

Сергей Баруздин

СКАЗКА
о Лесном царе
и Пионерском
царстве

The End of the Day

Сергей Баруздин

СКАЗКА
о
Лесном
царе
и
Пионерском
царстве

Издательство «Советская Россия»
Москва · 1972

Художник С. В. Калачев

Редактор Ю. Н. Афанасьева

Художественный редактор М. В. Таирова

Технический редактор В. А. Авдеева

Корректор Л. П. Королева

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лесной царь и его сын Царевич. Как Лесной царь стал одновременно Водяным. Немного вообще о царях и королях, а также о том, почему жить на свете с бородой труднее, чем без бороды, и почему товары магазина «Богатырь» не годятся Лесному царю.

— Что будет, то будет, а чего не будет, того уж никогда не будет! — вздохнул Лесной царь и почесал свою бороду о ствол сосны. — Эх, елки-палки! Ну что за жизнь пошла! Даже с бородой делать нечего!

— Папа, но у тебя такая прекрасная борода! — сказал Царевич. — Я мечтал о такой! Но, понимаешь, что заметил: когда бреешься каждый день, она быстро растет, а как начнешь отпускать, как назло, медленно. Три дня прострадал, не выдержал — побрился...

— Не поспешай, сын! Борода — не главное! — воскликнул Лесной царь. — Борода, что? Одно украшение! И что ты, сын, понимаешь! Раньше я хоть этой бородой комаров отгонял. А тут в прошлом году, летом, прилетели самолеты, что-то полили-попрыскали, и на тебе, ни одного комара. Вот и сиди, любуйся на свою бесполезную бороду! Тоска зеленая!

Почесав бороду, Лесной царь пересел с елового пня на березовый и опять вздохнул:

— Скучно! Одно утешение — телевизор посмотреть да радио послушать. За это спасибо тебе, сын! Очень они меня выручают, когда делать нечего.

Телевизор и маленький транзистор Царевич соорудил для Лесного царя сам. Купил готовые детали на улице Горького в магазине «Пионер» и соорудил.

— Работают? — спросил Царевич.

— Не жалуюсь, — сказал Лесной царь. — Да все равно. Вот ты редко приезжаешь!

— Что поделаешь, экзамены, зачеты, снова экзамены, плюс всякие общественные нагрузки. Сам понимаешь! — объяснил Царевич.

— Тебе хорошо, ты в столице живешь, сын, а я тут один прозябаю. Скучно! Дремуче, неудобно!

Царевич не знал, как и что еще сказать отцу. Сам бы он, конечно, и часа такой жизни не выдержал. Но надо что-то придумать, утешить.

— Ну, а как же приятели твои, другие цари? Разве вы...

— С царями сейчас худо дело, — горько сказал Лесной царь. — Всех на пенсию перевели. Тут, слышал я, по радио будто передавали, что и с королями-то на земле не шибко. Слышал?

— Да, королей немного осталось, — согласился Царевич. — В Англии, да еще в Швеции, в Дании. В Африке многие короли в президенты подались. А в Голландии, например, только королева осталась.

— Королева это, конечно, не то! — согласился Лесной царь. — Женщине трудно! Вот мать твоя покойная не выдержала бы на моем месте. Она — женщина у нас работающая была, трудолюбивая, хоть и царица, и потом опять же... — Лесной царь хитро ухмыльнулся в бороду. — Кого бы она тут воспитывала. Ты — в городе, в институте, а ежели и меня нет? А я, к примеру, за Водяного, по речным делам ушел! А она у нас, ох, как любила всех воспитывать! Ты-то ее не помнишь, покойницу, а я, ох, как помню! Страсть, какая была царица!

— Да, папа, — вспомнил Царевич, — я все хотел спросить тебя, а как твой старый друг дядя Сеня-Водяной? Он что, тоже не заходит к тебе?

— А ты что, не знаешь? — удивился Лесной царь. — У него ж разрыв сердца был, инфаркт по-современному, а после больницы его туда же — на пенсию! Меня за него по совместительству оставили. Побудь, говорили, старик Лесной царь, временно и за Водяного, благо речка тут рядом. А как замену Водяному найдем, так освободим тебя от этой нагрузки. Я, дурак, согласился, год прошел, а замены все нет и нет. А мне с моей бородой в речку лазать знаешь как тяжело. Потом сутки целые бороду от водорослей всяких и коряг чищу...

— Да, Водяному сейчас замену найти не просто, — согласился Царевич. — Кто пойдет в Водяные?

— В Лесные, на что работа сухая, не очень колкая, и то не идут, — поддержал сына Лесной царь. — А с Водяными ты прав. Молодежь в Водяные силой не затащишь! Попробуй тебя уговорить, хоть и Царевич ты! Космос тебе подавай, эту самую кибернетику! А в лес да в воду... Нет, что ни говори, сын, а с образованием у нас что-то не так поставлено. Пусть и всеобщее, и бесплатное, а самых главных факультетов по нашей лесной и водяной части — мало...

— Дело не в образовании, а век такой, — пояснил Царевич.

— Может, и век, — согласился Лесной царь. — А за лесом следить, за рекой следить все равно надо...

Вдруг откуда ни возьмись зайчишка появился. Замер в ногах у Лесного царя, одно ухо торчком, другое ничком.

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуй, Русак!

— А я к тебе бежал, а зачем не помню, забыл, — признался Русак.

— Если хочешь, вспомнишь, — сказал Лесной царь.

— Вспомнил! — обрадовался Русак. — Я стихи тебе хотел прочитать про нас, зайцев. Послушай, может, в Лесную стенгазету пригодятся?

— Послушаю, — согласился Лесной царь.

— Так вот, — произнес Русак и поднял оба уха:

Люди, кошки, волки, совы —
Все преследуют косоногого.
Лисы, ястребы, удопы
Не дают ему прохода.

Рыси, филины, куницы...
Всех врагов не перечести!
Ни напиться, ни умыться!
Все хотят беднягу съесть!

— Ничего, — сказал Лесной царь.

— А ведь не за этим бежал, — вспомнил Русак. — Зачем же я бежал? Что-то очень важное...

Но вдруг он заметил рядом постороннего, Царевича, перепугался и бежать.

— Потом, потом! — крикнул на ходу.

— Это кто? — спросил Царевич.

— Как — кто? Заяц. Русак. Не узнал? — удивился Лесной царь.

— Заяц? Что-то не припомню! — признался Царевич. — Он что, вроде кролика?

— Не заяц вроде кролика, а кролик вроде зайца, — пояснил Лесной царь. — Только он величиной поменьше, телосложением потоньше, да и по остальным показателям — голове, ушам, задним ногам. Неужто не слышал про зайца?

— Зайца мы в школе не проходили, — сказал Царевич. — А кролика очень подробно. Помню и историю. Зоолог рассказывал, будто о кролике такие знаменитые люди, как Плиний и Аристотель, писали, а однажды император Болеарских островов Август вынужден был призвать солдат на борьбу с кроликами...

— О зайце такого не писали, — согласился Лесной царь. — Помню только книгу немца Дитриха Винкеля, в детстве когда-то читал, ну и Брэма, конечно. До войны, между прочим, отличное издание вышло в Детиздате. В одном томе, а чего там только не было!

— А другие твои лесные приятели как? — спросил Царевич. — Навещают?

— Серьезные звери перевелись, вот такие остались, как этот зайчишка. Эти навещают, — сказал Лесной царь. — К слову, зайчишка этот по имени Русак не глупый парень...

— Ну уж и не глупый, — сказал Царевич. — Да мало ли на свете таких зайцев! Какой у них ум!

— Этого не говори, сын, — не согласился Лесной царь. — Из того же Винкеля помню, что у зайцев из их чувств, несомненно, выше всего стоит слух: он достигает здесь такого развития, как у немногих других животных, и без сомнения лучше, чем у всех других грызунов. Так что мой придворный Русак...

— И откуда ты, папа, все это знаешь? — удивился Царевич.

— Мы все учились понемногу, — пошутил Лесной царь.

Отец и сын замолчали.

А вокруг птицы лесные поют, и шуршат прошлогодней листвою ежи. На полянах пчелы жужжат, и ясно видимые в лучах солнца паучки плетут паутину. Муравьи тянут щепки и соломки к стволу старой ели, и жужжат какие-то безобидные мушки.

— И все же хорошо! — признался Царевич. — Хорошо у тебя тут!

— Костюм у тебя, вижу, хороший, это — да! — заметил Лесной царь. — Небось опять в ателье шил, как в прошлый раз? Дорого... Бросаешься ты деньгами, сын!

— Нет, пап, это готовый, венгерский, — сказал Царевич. — И не дорого. Может, тебе купить костюм? Я куплю!

— А где ты его на мой размер купишь? Буду уж ходить в своем, домотканом. С моими-то общественными нагрузками тут, в лесу, проще.

— Сейчас, между прочим, папа, — сказал Царевич, — у нас на проспекте Мира магазин есть повышенной размерности — «Богатырь». Скажи, посмотрю...

— А водонепроницаемые там есть, в твоем «Богатыре»?

Царевич стушевался. Да, об этом он не подумал, что отец еще и Водяной по совместительству. А в обычном костюме, пусть он и размером подходит, в воду не полезешь...

— Молчу! — признался Царевич.

— То-то и оно! Ну, а экзамены не завалишь? — спросил Лесной царь.

Они еще о чем-то говорили — Лесной царь и Царевич.

И понятно. Мало ли разговоров у отца с сыном, тем более, когда они так давно не виделись!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кузя и Биба. Знакомство с ними. Кто такая Олимпиада. Что беспокоило Олимпиаду по пути в Пионерское царство и что обрадовало Кузя и Бибу, когда они приехали в это царство.

Пионерский лагерь переезжал из города в начале июня. Ехали, как обычные пионеры: на городских автобусах, впереди — мотоциклист с флажком, позади колонны — мотоциклист с флажком, и на автобусах — флажки, а в переднем кто-то из взрослых даже в горн без конца трубил, чтобы поддержать общее настроение после прощания с родителями.

Впрочем, для пионеров, может быть, это и здорово, а для них...

У них в автобусе взрослых больше, чем во всех вместе, во всей колонне! Как будто они в детском саду еще. Особый октябрятский автобус! Один на все нормальные!

— Не укачивает?

— Не укачивает?

— Если что-то захочешь, пожалуйста!

— Только скажи!

— Ты что-то бледненький!

— Признайся, тебе не плохо? Не плохо?

Они еще от города не отъехали, а взрослые уже замучили их своими приставаниями.

Больше всех старалась самая молодая из взрослых — тетя с длинной, толстой, почти до пояса висящей косой.

— А может быть, ты просто что-то хочешь? — вдруг прозвучало на весь автобус.

Это — она. С косой.

Все замерли. Прижались к своим сиденьям и стали внимательно смотреть в окна.

— Я лично не хочу, не знаю как другие, — сказал кто-то из ребят.

— Ах, вы наши милые клопики! Ну, ничего, ничего!

И опять в автобусе воцарилась тишина, и только взрослые хлопотали, о чем-то переговариваясь между собой.

Вскоре их, кажется, укачало.

— Ты хочешь ехать? — спросил сосед соседа.

— Не знаю. А ты? — спросил сосед.

— Тоже не знаю...

— А что такое клопики? Чего это она?

— Не знаю. Наверно, клопы. Эти, которые человеческой кровью питаются...

— Смешно!

— А тебя как зовут? — спросил сосед соседа. Тот самый, что знал, чем клопы питаются.

Другой сосед почесал нос:

— Меня — Биба зовут! Нет, вообще-то меня зовут — Женя Косточкин, но так вышло, что я, понимаешь, раньше всех слов, там — «папа», «мама», сказал «Биба». А по телевизору как раз передавали футбольный матч с киевским «Динамо». Папа у меня — болельщик, обрадовался. «Смотри, говорит маме, узнает лучших игроков! Гениальный парень у нас растет!» Так и стали звать меня Бибой. Я даже доволен, это лучше, чем какой-то «Косточкин», как в школе...

— Слушай, здорово! — подпрыгнул другой сосед. — Как у меня!

— А тебя как?

— Меня, понимаешь ли, — Кузя! И тоже по телевизору! — воскликнул Кузя. — Я вместо «мамы» и «папы» перво-наперво «Кузя» сказал. А по телевизору как раз матч по хоккею был, и в нем Кузькин играл. А папа у меня — заядлый болельщик! Ну, он, конечно, обрадовался, кричит маме: «Смотри, как наш сын в

хоккее разбирается! Только что Кузькин шайбу забросил, а он уже одобряет, Кузя — говорит. Гениальный парень у нас растет!» Так я и стал Кузей. А в школе меня тоже по-другому: Винтиков Витя...

— Чудно! — сказал Биба. — Как в сказке, а там как: ждешь, ждешь и все так получается, как ждешь. Я люблю сказки. А ты?

— Я тоже, — согласился Кузя. — Но есть еще одна штука, сейчас все о ней говорят, теле... Ну, в общем, как по телевизору, но только это что-то другое. Вроде ты задумал и я тоже задумал. Мы с тобой в разных местах, а думаем совершенно одинаково.

— Помню, помню, — сказал Биба. — Кажется, телепутия? Да?

— Нет, не телепутия, — возразил Кузя. — Теле... Теле... Сейчас! Телематия! Да, телематия или телепатия. Кажется, так! У нас с тобой так получилось, как эта теле... Не скучно в лагере будет! Раз мы оба по телевизору...

— И верно, здорово! — согласился Биба. — Значит, мы с тобой вроде как родственники? Давай, когда в лагерь приедем, вместе ляжем, рядом. Согласен?

— А мы там что, лежать будем? — испугался вдруг Кузя.

— Не всегда, конечно, лежать, а когда спать. Спать-то нам придется по ночам! — объяснил Биба.

— Придется, — согласился Кузя. — Правда, не люблю я этого занятия. Хуже всех уроков!

— А ну, а ну, внимание! — закричала тетя с косой. — Скажите-ка мне, кто из вас любит читать книжки? Все, конечно, любят?

Автобус вздрогнул на малом повороте, и никто не ответил на заданный вопрос.

Только один тихо произнес:

— Все!

— Вот и хорошо, — сказала тетя с косой. — Между прочим, заранее раскрою вам секрет. Я не только ваша пионервожатая октябрятской группы, а еще и библиотекарь всего лагеря. Мы ведем с собой в лагерь отличнейшую библиотеку. Я обещаю вам, поскольку вы — мои, особые, в первую очередь выдавать самые интересные книжки! Согласны?

— Согласны! — дружно ответил автобус.

— Молодцы! — сказала тетя с косой.

— А она ничего, тетя, — сказал Кузя. — «Молодцы» говорит, как на хоккее!

— Да, я забыла вам сообщить, милые, — произнесла тетя, — что зовут меня Олимпия Ивановна. Запомните, Олимпия Ивановна.

— Совсем здорово! — подтвердил Биба. — Как олимпиада, понимаешь! В Гренобле, в Кортина д'Ампеццо, в Инсбруке, и в Москве, у нас. Олимпиады у нас тоже были, не помню, какие, но какие-то были...

Через час автобусы свернули с главной асфальтированной дороги, покачались на проселке и, наконец, остановились.

— Приехали! Приехали! — захлопотали взрослые.

— Смотри, смотри! — зашептал Биба. — Во, чудеса! И правда, как в сказке! Никаких домов, одни палатки!

И верно, на большой поляне среди кустов и берез стояло много-много палаток.

Биба почему-то считал, что пионерский лагерь — это почти детский сад. Ну, в Москве или в лесу — неважно, а домики такие же, и, значит, никакой разницы. Другие, старшие, бывавшие в пионерском лагере, так говорили о нем.

А Биба мечтал о том, о чем слышал вовсе не от старших ребят. Вот папа с мамой говорили о своем детстве. Дождь, ветер, голод, гроза, а они в палатках. Бабушка еще раньше говорила. Дождь, ветер, все трудно, а они в палатках. Дедушка, уже после бабушки, да, кажется, после бабушки, говорил. Снег, мороз, немцы стреляют, а они роют землю, окопы, а никаких палаток у них нет, только плащ-палатки, а это все равно, что пальто или просто плащ, но ведь это интересно. Настоящий лагерь!

И сейчас — такой же! Вот уж они заживут! И зря, конечно, Биба не хотел ехать в лагерь. Мама и папа правы, когда говорили ему: «Тебе понравится. Увидишь, понравится. А если не понравится, то мы тебя после первой же смены заберем...»

Нет, никуда его не надо забирать! Это — лагерь! Настоящий лагерь!

Правда, три домика все же было. И Кузя несколько подозрительно покосился на них, но Биба моментально рассеял его сомнения:

— А это ты не смотри. Это изолятор — раз, кухня — два, игровая — три. Как у нас в детском саду, я точно знаю. Каждый год ездил. Только там палаток никаких, а дома, как в городе, где все живут. А здесь...

И не только Биба с Кузей, а и все ребята радовались:

— Вот жизнь!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Что думает зайчишка-всезнайка по имени Русак о приезде пионеров. Первые сведения о Книжном царстве и Книжном море, полученные от того же Русака.

Царевич давно уехал, и опять Лесной царь остался один.

Теперь по утрам Лесного царя будил горн. Сначала он долго не понимал, что за труба трубит где-то за лесом, но потом прибежал зайчишка-всезнайка Русак и все объяснил:

— Понимаешь, дедушка, тут рядом Пионерское царство об-

разовалось! Это у них горны трубят, пионеры галдят, и есть еще один, самый главный отряд, октябрятский!

— Вот ты бы мне сразу так и сказал, — успокоился Лесной царь. — А имя у тебя обязывающее. Не Тумак ты, не Альпиец какой-нибудь, а Русак. Значит, понимание должен иметь...

— Я думал, что ты обидишься, — признался Русак. — Все же еще царство...

— Ах, не морочь мне голову! — сказал Лесной царь. — Что я — неграмотный совсем или бог знает кто! Пионерское царство — это хорошо. У меня, самого, Царевич и то в комсомоле. Телевизор, наконец, смотрю. Транзистор слушаю. Это все?

— Не все, дедушка, увы, не все, — заискивающе произнес Русак. — Самое интересное, что в этом Пионерском царстве есть еще одно необычное царство, и у него есть своя царица, а царство это питается из другого необычного, но уже моря...

Лесной царь привык ко всему. И к тому, что он царь и не царь. И к тому, что он Водяной и Лесной царь вместе. И к тому...

В общем, ко всему привык Лесной царь, но к этому Русаку, зайчишке-всезнайке, он привыкнуть никак не мог. Морочит все время старую голову и морочит! Нет того, чтобы объяснить все сразу.

— Так что? — спросил Лесной царь.

— А то, что это царство в Пионерском царстве зовется Книжным царством, — объяснил Русак. — Это она так сказала, царица. Такая, между прочим, обычная с виду, только коса у нее большая и толстая, почти до земли. Я сам слышал! Ее слова, а не чьи-то другие, хотя она и не говорила, что царица, но про Книжное царство говорила, и еще про Книжное море. Это уже тебе, дедушка, как Водяному...

Никогда про Книжное царство Лесной царь не слышал.

И по телевизору никогда не рассказывали про Книжное царство и про Книжное море, и по радио.

Что такое Лесное царство — он знает. Что такое Степное царство — знает. Про Небесное царство слышал и про Морское слышал. Ну, Пионерское царство — это само собой разумеется. А тут — Книжное царство и еще — Книжное море. Охотское море, Черное море, Красное море, Белое море, море Лаптевых — это понятно. А Книжное?

Впрочем, к морям он никакого отношения не имеет. Тут, правда, из Женевы интересные вещи передавали. О том, что наша делегация выступила с предложением запретить в военных целях использование дна морей и океанов. Это правильно, конечно, но все же моря и океаны... Речка своя — другое дело, и то потому, что другу дяде Сене-Водяному пообещал на время. Но и тут Мор-

скому царю надо бы прислушаться. И к сообщению из Женевы, и вообще, если кто-то хочет использовать морское дно для недобрых целей. А за моря должен отвечать Морской царь, которого он, к сожалению, не знал, если, конечно, и Морского царя не вывели на пенсию.

— Понимаю, понимаю, — сказал Лесной царь, чтоб не показаться глупым в глазах зайчишки. — Ну и что?

— Ничего, — мотнул поднятым ухом Русак. — Просто плохо, что она женщина...

— Кто? — не понял Лесной царь.

— А эта самая, с косой до земли, царица Книжного царства!

Русак совсем запнулся, и его хвостик, прижатый и так между задними лапами, исчез вовсе.

«Царица это, конечно, не то», — подумал Лесной царь, но вслух не продолжил свою мысль, поскольку недавно уже выражал ее Царевичу. А от частого повторения, Лесной царь знал это, даже самые гениальные мысли портятся, как несвежий кефир. А про кефир он знал, поскольку очень любил его в послед-

ние годы. Стаканчик кефира — что может быть лучше перед сном.

Зайчишка прыгал, вздрагивал, смотрел в глаза Лесному царю — ничего не помогло. Вот уж, право, о чем думает этот Лесной царь! Может, и нехорошо так рассуждать о старших, но старшие должны быть...

— Так вас, дедушка, они не беспокоят? — наконец не выдержал Русак. — А у нас уже весь лес только и говорит, только и говорит...

— Кто? Пионеры? Царица Книжного моря? — спросил он, все еще думая о кефире.

Русак подпрыгнул от удивления:

— Дедушка! Миленький! Я совсем не о том. Я почему о Книжном море и Книжном царстве? Да потому, что они, мыши, книг терпеть не могут. Вернее, наоборот, очень любят их. Если зерна нет, книги едят. Они хотят напасть на Книжное царство и Книжное море. Я, например, ночью проснулся, а мама не спит. «Мышиная, говорит, возня, да рядом с нашей норой». И вот теперь... Я очень боюсь за Книжное царство и за Книжное море, а там царица — с косой. Как же так? А-а?

— Как так? — удивился Лесной царь. — А почему я ничего не знаю? Почему?

— Так, — произнес Русак и чуть успокоился. Хвостик его появился на свет и даже вздрогнул. — А почему вы не знаете, я тоже не знаю, но я точно знаю, что...

— Непорядок, — произнес Лесной царь.

— В том-то и дело, — воскликнул Русак, — что непорядок. Мне жалко эту царицу Книжного царства, и вообще мне всех жалко, и почему они...

— Книги они действительно любят, — произнес Лесной царь. — Это и в литературе отмечено. Помню, читал профессора Модеста Богданова «Мирские захребетники». Давнее издание. Захребетники — как раз мыши. Так вот профессор писал, что вред, который причиняет домашняя мышь, пожирая различные съестные припасы, в общем незначителен; самый существенный вред их состоит в том, что они изгрызают ценные предметы. В библиотеках и в естественно-исторических собраниях мыши хозяйничают самым губительным образом и могут причинить неизмеримый вред, если всеми силами не положить предел их страсти к разрушению. Кажется, что они грызут что-нибудь только из шалости, и очень вероятно, что это случается чаще тогда, когда мыши терпят от жажды, чем в тех местах, где они имеют, чем утолить ее. Поэтому в библиотеках, кроме зерен, которые для них специально заготавливали в старые времена, ставили им также и сосуды с

водой — одним словом, их положительно поили и кормили на казенный счет.

— Так, может быть, дедушка, им эти самые сосуды с водой и зерна поставить в Книжном царстве? — предложил Русак. — На казенный счет Пионерского царства?

— Сколько же им сосудов понадобится, — сказал Лесной царь. — О зернах я уже не говорю. Нет, это не годится.

В эту ночь Лесной царь спал плохо. Неизвестно вообще, спал он или не спал. То думал, то ему казалось, что в бороде его происходит какая-то мышьяная возня. То ли сон это был, то ли не сон — попробуй, разберись! И кефир не помог!

«Что будет, то будет, а чего не будет, того уж никогда не будет», — не раз думал Лесной царь и, вспомнив про это в последний раз, кажется, задремал.

Проснулся Лесной царь на самом-самом рассвете, когда первая птица — зеленушка пролетела над ним и чуть пискнула.

«Кажется, понял! — решил Лесной царь. — Кажется, надо с Царевичем посоветоваться. Не зря Русак говорил о мышах. Вот и его они сегодня всю ночь беспокоили. А что, если они действительно нападут на Пионерское царство и на это самое Книжное? Может, это все — разведка? Надо посоветоваться с Царевичем! В конце концов он в таких делах умнее меня. Надо позвонить ему в город! Но как? С этого лесного телефона не позвонишь. А откуда? Ведь и телефон Царевича знаю: 257-44-23, наизусть помню, но как...»

С телефоном у Лесного царя было плохо. Конечно, телефон у него был, но обычный лесной телефон, по которому можно было позвонить по внутренним лесным делам, но выйти на линию общую, городскую или хотя бы районную Лесной царь не мог. Для этого надо было идти в поселок, где имелось отделение связи.

Лесной царь не любил ходить в поселок. Во-первых, пока дойдешь туда, уже изморишься. На шоссе — машина за машиной, машина за машиной, а тут еще люди и ребята возле школы, которые без конца смотрят на твою бороду и почему-то подозрительно переглядываются, а иногда и говорят: «А у нас парикмахерскую новую открыли! Ох, какую парикмахерскую! Три мастера сразу!» А в самом отделении связи мало того что переглядываются, еще и очередь. В пять-шесть человек очередь на переговоры с городом...

— Ты поставил бы, сынок, нормальный телефон мне, — не раз просил Лесной царь Царевича, но Царевич объяснял, что телефон, особенно такой, какой нужен Лесному царю, — не телеви-

зор и не транзистор, его самому никак не собрать, а для связи с городом нужен еще и какой-то свой особый канал.

— Канал это сложно, конечно, — понимающе соглашался Лесной царь.

Но раньше ему куда легче было так говорить и ждать, а сейчас...

Сейчас Лесному царю позарез был нужен телефон.

«Не пойти ли мне в отделение связи? — уже подумал он. — В конце концов, что будет, то будет...»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Радости и огорчения Кузи и Бибы. Гроза. Некоторые подробности о Книжном царстве.

Бибе и Кузе не повезло. Всех нормальных пионеров поселили в палатки, а их особый октябрятский отряд, — в домик.

Нет, конечно, Биба частично был прав. В одном из трех домиков помещался изолятор, во втором — кухня, а вот в третьем, лучше бы его и не было вовсе, никакая не игровая, а их — особый, октябрятский. Как будто они — гвардейцы, особые! Тоже панфиловцы! Нет! Все люди, как пионеры, а они, октябрюта, вроде не люди!

Но так они думали только в первые два с половиной дня, а на третий, точнее, к концу третьего дня, когда случилась гроза со страшным ливнем, они уже не вспоминали о том, как думали до грозы.

— А знаешь, все-таки хорошо, что мы с тобой рядом лежим, — сказал Биба. — В грозу особенно. Там в палатках если бы...

— В палатке мы с тобой тоже рядом бы лежали, — робко заметил Кузя.

— Конечно, рядом, — согласился Биба.

Но тут вдруг распахнулось окно от страшного ветра, и кто-то, заглянув в него, спросил:

— Не страшно?

— Нет, не страшно, — сказал Кузя.

— И мне, — подтвердил Биба.

Кузя ясно видел, что в окно заглянул очень бородатый и очень волосатый человек, и он спросил Бибу, когда окно само собой захлопнулось:

— Ты ничего не видел, там?

Биба ясно видел, что в окне кто-то был и потом он же закрыл, осторожно закрыл окно, а перед этим спросил: «Не страшно?», — но все это было как сон, и Биба не мог показать себя не таким, каким он есть на самом деле.

— Не страшно, а что? Я лично никого не видел! — сказал Биба. — И вообще у нас тут не так уж плохо...

— Да, там страшнее, — признался Кузя. — В пятом отряде даже палатку сорвало, а во втором — продрало. Олимпиада говорила...

— Нет, в общем-то почему страшнее? — не очень уверенно спросил Биба.

— Нет, в общем-то и вовсе не страшнее, — согласился Кузя. Потом хихикнул, вспомнил: — Говорят, пионеры многие перепугались! Один даже... У него живот заболел!

— У нас тоже страшно было, но мы не боялись, — произнес Биба.

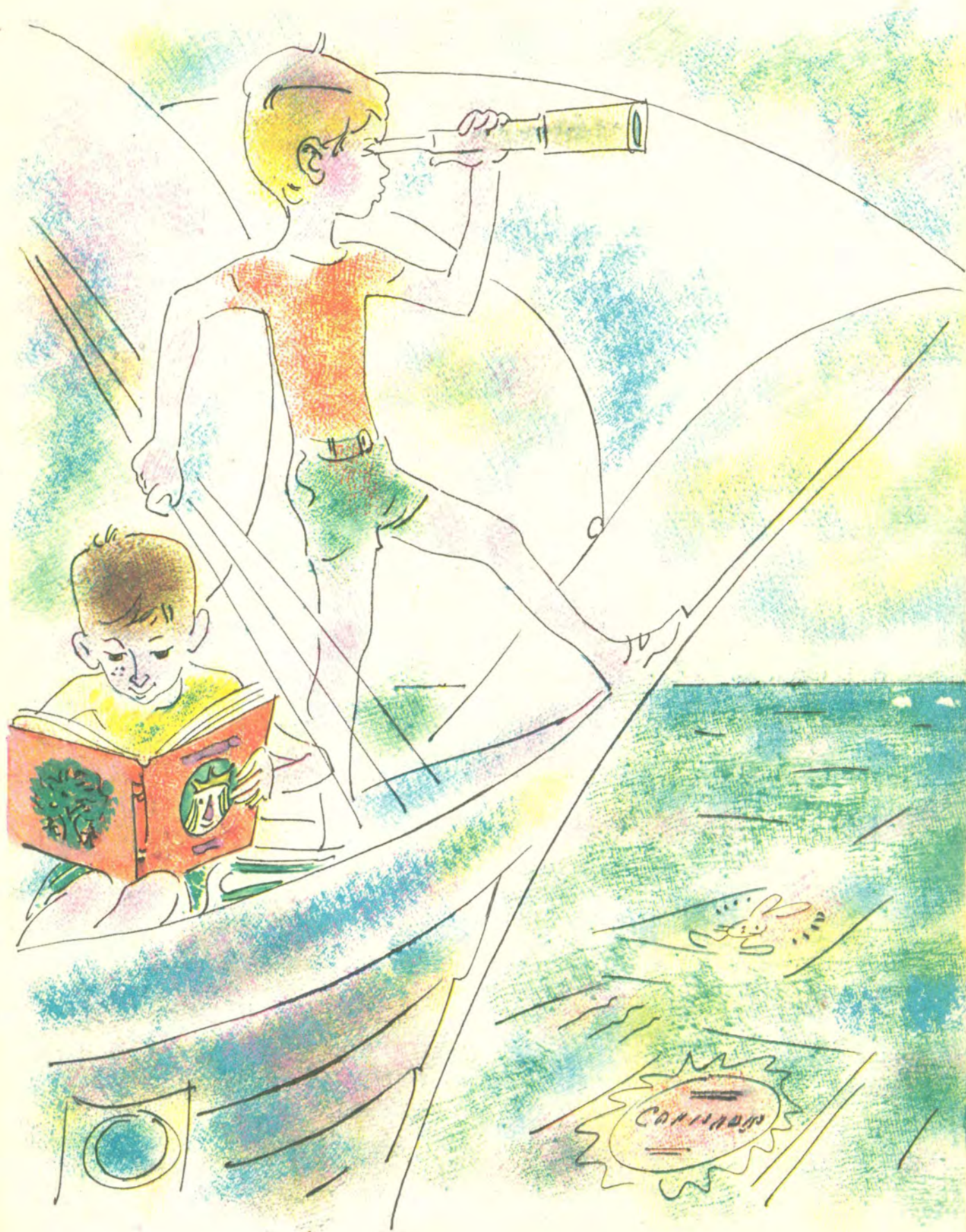
— А чего нам было бояться? И Олимпиада с нами! Правда, нечего? Она все-таки взрослая и еще вожатая...

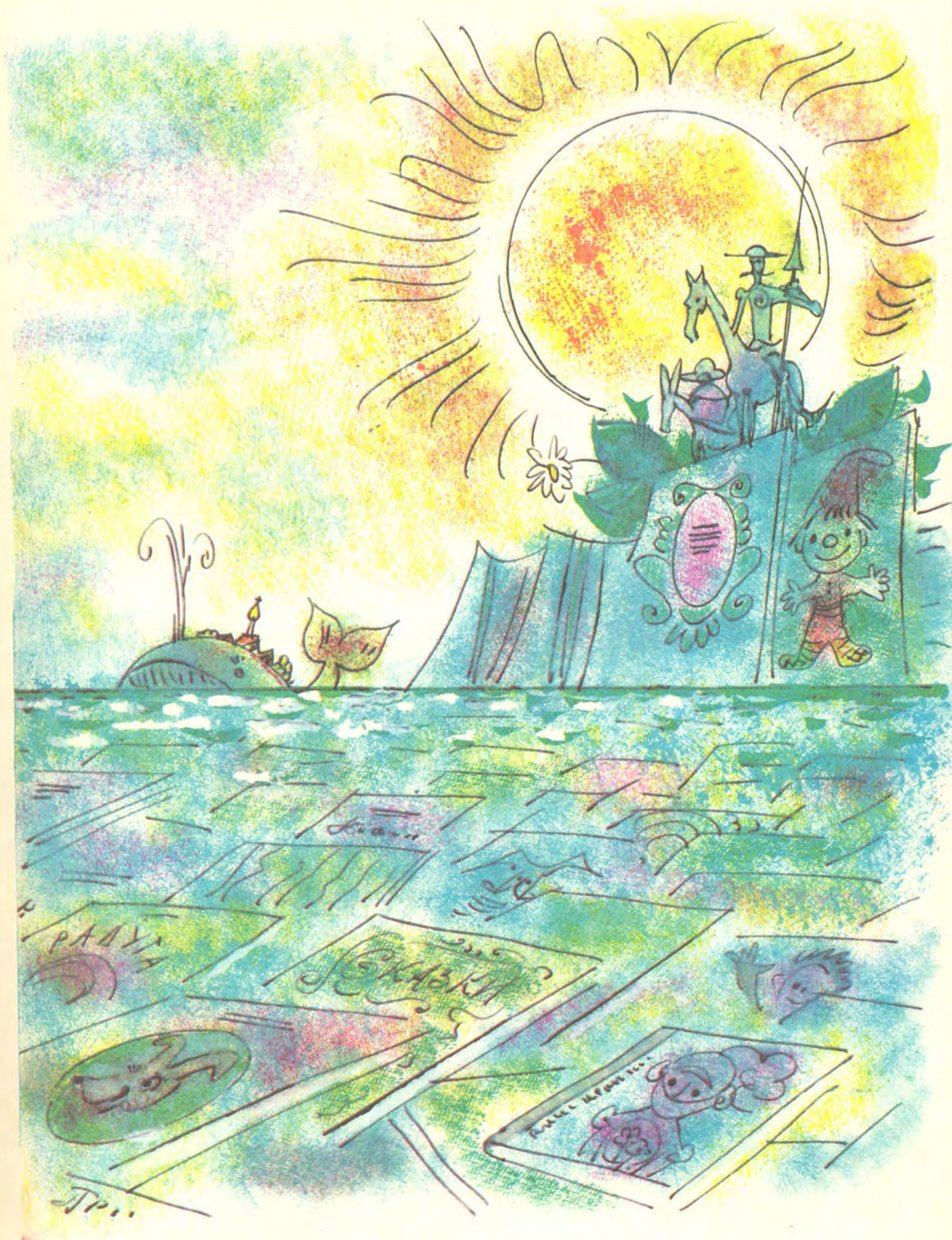
— Да, — согласился Биба. — А насчет Книжного моря и Книжного царства она здорово все это придумала, правда? Помнишь, затащила нас с тобой в библиотеку?

— Помню, — согласился Кузя. — Еще бы не помнить!

Тогда Олимпиада выступала перед ними, как артистка, и всем это нравилось, и на самом деле это было по-настоящему...

— Вы думаете, это просто книжные полки перед вами, стеллажи? — спрашивала Олимпиада. — Милые, ничего подобного! Это — рыцари стоят перед вами и смелые воины-герои. Это — сегодняшний день перед вами, когда человек ходит пешком по Луне, и это день вчерашний, неизвестный вам, когда великие люди строили первые города и первые машины. Это — ваши друзья-товарищи, что живут рядом с вами. Это смех, если вам хочется посмеяться, это грусть, если вам хочется погрустить, это мысль, ум, если вам хочется подумать. И все это вместе — совершенно необычное Книжное царство, которое называется скучным словом... «библиотека». Но тут нет скучных слов! И не должно быть! Царство — это царство, и давайте вспомним о другом. Есть моря и океаны. Но нет на свете большего моря, чем море Книжное. В нем — миллионы, миллиарды, триллионы книг, из моря текут

тысячи рек, больших и малых, тысячи ручейков. И вот один из этих ручейков Книжного моря притек сюда к нам. Смотрите, что он вам принес, смотрите, выбирайте и читайте!

— Я сейчас читаю, здорово! — сказал Кузя. — Понимаешь, раньше как-то не очень любил, а сейчас нравится. И вот...

И вот... Кузя хотел сказать Бибе, что в его книжке, которую он сейчас читает, как раз есть тот человек с огромной бородой, очень похожий на этого, что распахнул сейчас окно и спросил: «Не страшно?» Но сказать так, значит, показать Бибе, что ты испугался. Мало ли что с испугу может померещиться!

— Я тоже, — согласился Биба. И он почему-то вспомнил сейчас о том, что в книжке «Малахитовая шкатулка» есть человек очень похожий на того — в окне. Но сказать об этом Кузе? Скажешь, а Кузя еще подумает, что ты перетрусил. Биба подумал минуту, решил сказать другое: — А вообще вожатая наша Олимпиада — ничего!

И Биба, и Кузя, и даже многие другие ребята постарше, кто ходил в библиотеку за книжками, почему-то звали Олимпию Ивановну Олимпиадой.

ГЛАВА ПЯТАЯ

*Кто такой Вас-Сим и почему он звал Олимпиаду Олишкой.
Что волновало и беспокоило Олимпиаду. Немного о ее не-
достатках.*

Да, Олимпиада, как звали ее ребята, или Олимпия Ивановна, как значилось в ее паспорте, или Олишка, как не по службе, а по дружбе называл ее начальник лагеря Вас-Сим (сокращенное от Василия Семеновича), была действительно ничего, просто вполне хорошая вожатая. Например, ни одна вожатая не придумала провести военную игру с выходом на рассвете для своего отряда, а Олимпиада придумала. Начальник лагеря Вас-Сим сначала возражал ей, а потом уступил, а еще потом даже говорил на летучке вожатым.

— Вот, в частности, и с октябрятского отряда берите пример. Кто у нас занимается настоящим воспитанием? Подчеркиваю, военно-патриотическим воспитанием в пионерском лагере?

Пионеры? Их отрядные вожатые? Нет, товарищи, не пионеры! И не их вожатые! Увы, к сожалению. Военно-патриотической темой у нас занимаются октябрята. Их особый октябрятский, единственный в лагере отряд! И конечно, это заслуга вожатой октябрятского отряда...

Все было бы хорошо, если бы...

А у Олимпиады были свои заботы. Нет, все отлично, конечно, но почему-то ее одно радует, а другое огорчает? Вот, к примеру, октябрятский ее отряд. Хорошие мальчики. Хорошие девочки. Она даже не ожидала, что они такие хорошие, потому что знала: с детьми работать трудно, а ей — особенно. Она просто никогда не работала с детьми.

И вот она довольна, что приехала в лагерь, что приехала вожатой самого трудного октябрятского отряда и еще ей поручили заведовать библиотекой. Она довольна, что в библиотеку пошли ребята и стали брать книжки из «Книжного царства», которые доставляются туда по особому «ручейку» из «Книжного моря», но, оказалось, что хороших книжек просто не хватает, а плохие книжки ребята не хотят читать.

И та же военная игра, за которую хвалили? В каждой военной игре ребята должны разделиться на два лагеря. Она все заранее продумала, кто пойдет куда. По фамилиям всех разделила. Но вот на тебе: оказалось, ребята никак не хотят ее понять.

— А кто из нас красные, а кто белые? — спрашивают.

— Никто не красные, не белые, — пыталась она объяснить.

— Так не бывает! — закричали ребята. А потом закричали другое: — Мы все красные!

Ну, что тут было делать?

— Ладно, — предложила Олимпиада. — Тогда отбросим цвета. Пусть одни из вас будут отрядом «Елочка», а другие отрядом «Палочка». Согласны?

— Согласны, — согласились ребята, — но фашисты кто? «Елочки» или «Палочки»?

Трудно ей было уговорить ребят, но вот игра началась — и дозоры «Елочки» вышли на опушку леса, и дозоры «Палочки» тоже вышли, как вдруг новая неожиданность. В ходе игры выясняется, что Витя Винтиков никакой не Витя, а Кузя. И что зовут его так в честь какого-то хоккеиста Кузькина. А Женя Косточкин — тоже не Косточкин, а Биба, какой-то Биба — известный футболист.

Вот и попробуй тут разобраться! Конечно, хорошо, что игра их прошла хорошо, но плохо, что она, вожатая, не разбирается в хоккее и футболе. Опять же у Олимпиады радости и огорчения где-то все время стояли рядом.

Начальник лагеря Вас-Сим не только на летучке, а и лично, без посторонних, поблагодарил Олимпиаду:

— Игра у вас прошла классно, Олишка! Вы — умница! И ведь надо же было так придумать, что в игре нет пострадавших, и что «Елочка» ваша, и «Палочка» ваша оказались победителями. Это тонкое педагогическое понимание души ребенка!

— Ну, что вы! — смутилась Олимпиада. — Я ведь...

Ей так нравился Вас-Сим, с каждым днем все больше нравился, что сейчас она не знала, что еще сказать начальнику лагеря, потому что ей было так хорошо, как вдруг...

— Да, еще одно, Олишка, — сказал Вас-Сим. — Это так, между нами. Можно?

— Можно, конечно, — вспыхнула Олимпиада в ожидании.

Сейчас Вас-Сим отчитывает ее за непонимание хоккея и футбола! И она уже знает, что он ей скажет, потому что дома ей тоже не раз говорил отец, говорил, что в наше время нельзя не интересоваться всем, что волнует человечество, а именно политикой, космосом и даже спортом.

Олимпиаде, конечно, надо было послушаться отца и попытаться в чем-то разобраться, но она этого не сделала. И вот сейчас... Сам Вас-Сим...

— У вас, Олишка, самый малый отряд, октябрятский, это верно. Но не говорите, пожалуйста, с ними на несерьезные темы. — Вас-Сим вроде смутился при этих словах. — Понимаете, они все же люди, личности, и разговоры об их естественных потребностях их смущают...

Вот опять! Даже начальник лагеря, сам Вас-Сим похвалил ее сначала, а потом вылил на ее голову ушат холодной воды...

Но самое страшное и самое главное не в этом. То, что она заведует библиотекой, — это хорошо, конечно. Но то, что в библиотеке завелись мыши, — это ужасно. А она сама видела и сегодня мыш, и вчера двух мышат, и позавчера одну. Та, позавчерашняя, как ей показалось, даже жевала корешок замечательной книги Марка Ефетова «Света и Камила». Иначе, почему же корешок у этой книги, как проверила потом Олимпиада, обгрызен на самом кончике? Позавчерашние и сегодняшняя вроде ничего не съели, но ведь они все-таки — мыши.

Это, конечно, плохо — бояться мышей. Это — недостаток. Но что поделать, раз... А Олимпиада страсть как боится мышей. И по цвету их, и по хвостам. Она слышала где-то или читала, что мышей больше всех на свете боятся слоны. Но это неверно! Вовсе неверно! Она боится не так! Больше, чем слоны боятся!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Кузя и Биба идут в лес. Они видят, как целуются птицы, что само по себе уже очень интересно. Одновременно выясняется, что Кузя куда старше Бибы, хотя они ровесники.

Может быть, именно в то время, когда Олимпиада размышляла о том, о чем вы прочитали в предыдущей пятой главе, а может быть, и в другое время, Кузя вдруг спросил Бибу:

— А ты в лес ходил?

— Много раз, — сказал Биба.

— А один? — спросил Кузя.

— Не знаю, — сказал Биба.

— А так, чтобы далеко-далеко, и никого рядом не было? — добавил Кузя.

— Не знаю, — сказал Биба.

— Давай пойдем? — предложил Кузя.

— А Олимпиада что? — спросил Биба.

— Она же в Книжное царство пошла, а пока ей там все голову морочат, мы вернемся, — сказал Кузя. — Понимаешь, нас двое будет. Ты потеряешься, я тебя буду искать. Я потеряюсь, ты — меня. Ты сломаешь ногу или погибнешь, я тебя спасу. Я погибну, ты — меня. Понимаешь, я книжку сейчас одну читаю. Здорово! Там все про это как раз.

И они вышли на опушку. А потом тихо-тихо, изредка оглядываясь, по тропинке — влево и прямо, опять влево и вновь прямо, чуть правее, еще правее — направились в лес.

Лес!

Вот что у них тут хорошо, так это лес! Лес как по телевизору, когда Сибирь или Дальний Восток показывают. Деревья, деревья, деревья, и все разные. Одни — большие, другие — маленькие, третьи — ни большие, ни маленькие, а так средние, но тоже хорошо. Одни — ели, другие — сосны, третьи — неизвестно, как они называются, но тоже хорошо. Березы только на опушке, а в лесу настоящем их почему-то совсем нет, но зато под ногами мох, мягкий, как губка, и по нему так приятно ходить. И ландыши, которые в городе продают как цветы, а тут, пожалуйста, бери их, срывай, но только зачем, кому они нужны? В лесу они красивее! И земляника, которая еще только цветет, и колокольчики лиловые цветы, и...

— Смотри! — говорил Кузя.

— Смотри! — отвечал Биба.

— Смотри, сколько папоротников!

Впереди на лесной полянке и правда — армия папоротников. Самые большие — важные Это старшие — командиры или родители. А другие — поменьше, еще поменьше, совсем маленькие.

А вокруг пели, галдели, пищали, чирикали, взвизгивали и чуть ли не на человеческом языке разговаривали птицы.

— Пи-и-ить! Пи-и-ить! — просила одна.

— Поп-п-пей! Поп-п-пей! — отвечала другая.

— Кт-то меш-шает? Кт-то меш-шает! — подтверждала третья.

— Вал-ляй! Вал-ляй! Вал-ляй! — раздавалось по соседству.

— Ув-вы! Ув-вы! Ув-вы! — отвечал другой голос.

— Зач-чем? Зач-чем? Зач-чем? — спрашивал третий.

— Разговаривают, — удивился Кузя.

— Разговаривают, — согласился Биба.

— Смотри, смотри, — говорил Кузя.

— Смотрю, — соглашался Биба.

— Это — синичка!

— Это — зеленушка!

— Это — землянка!

— Это — трясогузка!

— Это — поползень!

Биба совершенно не разбирался в птицах, кто из них какие. А Кузя знал. Даже то, что синицы бывают разных пород. И пород этих очень много! И по голосам птиц Кузя узнавал!

На большой поляне появились и березы. Значит, есть они и в лесу, а не только на опушке.

Среди берез порхали две крупные сойки.

— Красивые! — сказал Кузя.

— Красивые! — сказал Биба.

Одна сойка догоняла другую. Они хлопали крыльями и что-то кричали и опять гнались друг за дружкой.

— Посмотрим? — предложил Кузя.

— Посмотрим! — согласился Биба.

— Сейчас драться будут, — объяснил Кузя.

— Ага! — согласился Биба. — Я, между прочим, люблю, когда другие дерутся. Когда по телевизору бокс или фильм «Первая перчатка», знаешь как люблю!..

Они замерли.

А сойки, словно устав, к полному разочарованию Кузи и Бибы, спокойно опустились на самую высокую березу, покачались-покачались на ветке, почистили перышки и...

— Смотри, — с огорчением сказал Биба.

— Вижу, — грустно ответил Кузя.

Одна сойка поднесла свой клюв к другой. Другая сойка тоже

поднесла свой клюв. У двух соек — два клюва, и вот они встретились рядом. Клюв в клюв!

— По-моему, они целуются, как ты думаешь? — предположил Биба.

— И так видно, что целуются, — сказал Кузя. — А что же еще!

— Ну, тогда пойдем? — предложил Биба.

— Обидно! — сказал Кузя. — Уж лучше бы подрались... Пойдем!

И вновь они пошли по шелестящей сухой листвой и сучками тропке. Где-то рядом и крапива уже разрослась, и бузина выбросила первые зеленые грозди, и опять был всюду лес, изредка пробиваемый с неба солнцем. Там, где светило солнце, опять галдели птицы, и пауки тянули свою паутину между деревьями и ветками, и на полянках кружили малые и чуть побольше неизвестные бабочки.

Кузя молчал. И Биба молчал. Кузя молчал неизвестно почему. Может, он просто природой любителю? Биба тоже любовался природой, но молчал не оттого, а потому, что молчал Кузя. Как-никак, Кузя больше знает! И вообще! Биба знал это, начиная с автобуса, когда они ехали в лагерь. И про вожатую, и про палатки, и про домики, где что будет, и сейчас про птиц. Биба гордился, что рядом с ним такой друг Кузя, и они даже лежат с ним рядом в лагере.

Кто-то осторожно прошел стороной, за кустами.

— Смотри, смотри! По-моему, это лось. Видел? — Спросил Кузя.

— Нет, — признался Биба.

— А сейчас? — шепотом повторил Кузя. — Смотри, это же заяц пробежал и так внимательно посмотрел на нас. Видел?

— Нет, впрочем, может...

Вот ведь как бывает: ровесники, а один другого старше!

Кузя все видит, все замечает, а он...

Они подошли к оврагу, где внизу когда-то был ручей или речка, спустились вниз и опять поднялись вверх.

— А мы это?.. Не потеряемся? — спросил Биба.

Кузя промолчал. Может быть, потому, что Биба так тихо спросил, что Кузя не слышал. Может, и потому, что рядом все время кто-то прыгал, скакал, пробирался через лесные заросли, и Кузя не мог не замечать этого, но вот — беда, Биба не замечает. А что, если он прав? А что, если ему, Кузе, кажется?

— А все-таки они определенно влюблены! — вдруг сказал Кузя. — Определенно!

— Кто — они? Птицы эти, красивые, сойки, да? — спросил Биба.

— Какие сойки! Олимпиада наша и Вас-Сим — начальник лагеря. Ты не заметил? — сказал Кузя.

— Нет, а что?

— А то, что я сам видел, как она с Вас-Симом разговаривала, и он не ругал ее совсем. Значит, он ее любит! А она! Все время краснела, краснела и косу свою теребила, в руках так — дерг, дерг, дерг, дерг! Значит, влюблена!

— Откуда ты знаешь? — опять недоумевал Биба.

— Знаю, — авторитетно сказал Кузя. — У меня сестра так. Влюбилась, ну, просто смех с ней! В школе учится, а влюбилась, и все так же, как у Олимпиады! Даже косу так же теребит и дерг, дерг ее, дерг, дерг!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Лесной царь знакомится с Кузей и Бибой. Одновременно Кузя и Биба знакомятся с некоторыми друзьями Лесного царя. Но о мышах Кузя и Биба, как выясняется, ничего не знают.

Лесной царь вздрогнул. Шаги, определенно шаги! Не по два шага, а по четыре. Не лосиные, а менее солидные. Не заячьи, а более солидные. Вот и ветка сухая хрустнула, и еще одна. И листва шуршит не так, когда по ней зверь идет. Хотя и тут вроде четыре ноги слышно, но это даже не лиса. Лиса куда мягче идет по земле. Медведи перевелись, да и не похоже это на медведя. Барсук? Не он. О белке и речи нет. Она по земле почти не ходит.

«Что будет, то будет, а чего не будет, того уж никогда не будет», — по привычке подумал Лесной царь, хотя до этого размышлял совсем о другом. Царевичу он так и не позвонил. Так и не посоветовался, а мыши все больше продолжали допекать. Особенно по ночам.

Теперь Лесной царь слышал уже не только шаги, а и чьи-то голоса. Вроде ребячьи голоса. Неужто из Пионерского царства? Может, зря он себя в грозу обнаружил? Не следовало ему...

Лесной царь прислушался. Голоса — рядом. Что они там говорят?

— Как — что? Это когда любят, а потом мамой с папой становятся.

— А разве у птиц тоже так?

— А как же! И у всех так, и у птиц, и у зверей, и у людей. А то как же птенцы будут рождаться и всякие там щенки, котята и даже какие-нибудь мышата у мышей! Сначала надо любить, а потом...

Лесной царь, услышав про мышей, насторожился.

«Значит, и у них мыши», — подумал.

А голоса продолжали:

— А что, у Олимпиады и Вас-Сима будут дети?

— Не знаю, может, и будут.

— Тогда Олимпиада нас бросит и нам назначат новую вожа-
тую? И начальника лагеря нового, раз он станет папой?..

— Все может быть...

— Молодец ты, Кузя, все знаешь!

— Ну, что ты? Я вот сейчас книжку читаю...

— А я, знаешь, тоже читаю...

«Видно, это есть то Книжное царство, о котором мне Русак рассказывал, — вспомнил Лесной царь. — А кто ж тогда царица в нем? Не та ли уж Олимпиада, о которой сейчас говорят ребята? А про мышиную возню они ни слова не говорят. Может, Русак на-
болтал? Хотя и не глупый он парень...»

Ребята были где-то совсем рядом, и Лесной царь совсем по-молодому соскочил со своей сосны и сел на еловый пенёк. «Если они меня увидят, — подумал, — то могут испугаться. Вид у меня, как-
никак, не прибранный, не городской».

Лесной царь причесал бороду. Пересел с елового пня на пенёк березовый. Опять пригладил бороду. «Что это со мной? Неужто волнуюсь? Почему?» — подумал.

Подумал так, и вдруг все стало просто. Сейчас он просто выйдет на тропку и будет ходить по ней и осматривать деревья, а если ребята встретятся, то они не удивятся. Мало ли кто...

Еще раз пригладив бороду, Лесной царь бодро выскочил на лесную тропку, услышал за своей спиной: «А мы не заблудимся? Ну, что ты! Сейчас повернем назад. Тут два шага всего» — и стал внимательно рассматривать вершины деревьев, которые он и так наизусть знал, все до каждой веточки.

— Здравствуйте, дедушка!

— Здравствуйте!

Лесной царь обернулся. Два мальчишки стояли на тропке.

Сначала Лесной царь смутился. Что-то очень знакомое было в этих мальчиках. Уж не те ли они, которых он на днях предупреждал о грозе, но не очень удачно. Бросился в Пионерское царство, когда понял, что страшная гроза надвигается, а пока добежал — гроза уже всю громыхала. Ну, заглянул в одно окно, спросил, не перепугались ли дети, и скорей обратно. Сам промок, да и если в таком виде перед детьми предстанешь, глядишь, они еще хуже испугаются.

Те это мальчишки или не те мальчишки? Вроде те. Вроде не те. Симпатичные. В майках. На головах — береты. Тоже неплохо. Вот только лопатки и ребра выступают из-под маек. Худы! Худы! Вот так и у Царевича было, у маленького, но потом ничего, выправился, физкультурой надо больше заниматься. Регулярно заниматься. Утром — физзарядка. Днем в перерывы между занятиями в школе — еще одна, более легкая, чтобы мышцы и все тело немножко взбодрить после сидячего положения. Так даже по радио советуют. И конечно, какой-то вид спорта. Футбол, например, хоккей, а еще лучше плавание. Сколько раз он советовал Царевичу, еще при покойной царице, заняться плаванием. Это и закалка, и полноценное развитие человеческого организма...

— Физкультурой вам надо заниматься, ребятушки! — сказал Лесной царь. — Чтобы быть физически сильными!

Кто-то прошел рядом в кустах, тихо сказал:

— Здравствуйте, дедушка!

— Привет тебе, Барсук! — ответил Лесной царь. — Как дома, как жена твоя?

— Все хорошо, — ответили кусты. — Спасибо!

— Так по части физкультуры как у вас? — переспросил Лесной царь, хотя на самом деле, ему очень хотелось спросить этих симпатичных тощих мальчишек, не беспокоят ли их и их царицу мышцы.

— А мы занимаемся! Занимаемся! — бодро ответили сразу в два голоса ребята.

Потом один из них добавил:

— Утром занимаемся, перед обедом и еще после мертвого часа. И вообще...

Лесной царь улыбнулся, вспомнив Царевича, когда тот был таким же маленьким, и уже совсем по-отечески сказал:

— Хорошо, ребятушки, правильно поступаете. Ведь она, эта самая физкультура, — залог здоровья. Конечно, небо, воздух и вода — наши лучшие друзья, но ведь неплохо, когда под чистым небом, на свежем воздухе, а то и в прозрачной воде люди занимаются спортом? Правда?

— Правда! Конечно! Конечно! Правда! — ответили ребята.

И вдруг оба переглянулись. Кузя посмотрел на Бибу, а Биба на Кузю.

Очень уж знакомый был дедушка! Кузя определенно видел его. Но где? В книжке? Да, в книжке был такой же, но ведь то книжка, сказка про старые времена. А еще где?! Где-то он его видел.

Знакомый, ну ясно — знакомый! Биба старательно вспоминал, где он видел этого дедушку. В книжке? Но книжка у него про рыцарей, и, значит, рыцарем дедушка никак не мог быть. А где же еще?

Кузя подумал, что герою сказки нечего делать сегодня в лесу, и поэтому он, конечно, просто ошибся. Дедушка как дедушка! И ничего особенного. Кузя перестал смотреть на Бибу.

Биба подумал, что рыцари никогда не водились у них в лесах, если не считать старинных времен, когда были немецкие псы-рыцари. Дедушка и дедушка! Может, он просто лесник, что за лесом следит. И ничего особенного! Биба перестал смотреть на Кузю.

Прошел Лось, поздоровался тихо, не желая мешать ребятам.

— Здравствуй, — сказал ему Лесной царь.

Белки скакали по деревьям, с любопытством смотрели

на него и на мальчишек, с которыми он разговаривал, робко здоровались.

— Здравствуйте, — отвечал им Лесной царь.

Наконец Лесной царь вспомнил:

— Вот, старая голова! Простите меня, ребятушки! Ради солнца — простите! Ради неба — простите! Ради леса — простите! Вы со мной поздоровались, а я вам никакого «здравствуйте» не сказал. Здравствуйте, ребятушки! Здравствуйте!

— Здравствуйте, дедушка! — повторил один.

— Здравствуйте! — повторил другой.

Встряхнув бородой, Лесной царь обрадовался:

— Вот и хорошо, что не обиделись, ребятушки! Спасибо вам! А звать-то, как вас?

И тут опять он вспомнил слова Русака и свою беспокойную ночь, когда ему показалось, что мыши копошились в его бороде, и ему хотелось спросить ребят об этих мышах, но он был интеллигентным Лесным царем и потому промолчал.

«Все точно, как я думал», — решил Кузя.

«Правильно я решил», — подумал Биба.

— Меня Кузей, а его Бибой, — ответил один.

— Меня Бибой, а его Кузей, — ответил другой.

Забыв про мышей, Лесной царь произнес почти восторженно:

— Славные имена! А то сейчас как? Все или Сережи или Алеши. Что ни мальчик — обязательно Сережа или Алеша. Ни Ивана не встретишь, ни Владимира, ни Леонида... А потом одни Никиты пошли. Я много на свете прожил, всякого повидал. И прежде интересные новые имена были. К примеру, Ким. Теперь некоторые люди ругают, а что я скажу вам на это, ребятушки? Исторически надо все понимать.

— В общем-то дедушка, — пытался перебить его Кузя, — мы не совсем так... Мы... Я, например...

— Знаю, знаю, — сказал Лесной царь, — знаю и все понимаю. Но, право, хорошо, когда у нас появляются дети, названные в честь знаменитого хоккеиста Кузькина и отличного футболиста Бибы, хотя, признаюсь, я никогда не болел за киевское «Динамо». Я по телевизору и по радио ни одного матча не пропускаю. Но надо быть объективным! Я, старый спартаковский болельщик, признаю, что Биба это — Биба. Жаль, конечно, что его не перетасили в московский «Спартак», как, например, Кавазашвили, но что поделаешь, ребятушки! Не мы с вами решаем футбольные дела!

— А вы?.. — осторожно спросил Кузя.

— А вы? — поддакнул Биба. — Вы кто?

Тут в Кузе и Бибе одновременно проснулось желание узнать все-таки, а кто этот дедушка?

— Я? Да как вам, ребяташки, сказать...

Лесной царь смутился. Сказать, что царь, — напугаются. Сказать, что Лесной и по совместительству Водяной, — еще больше — не поймут.

Мальчишки сами выручили.

— Вы, может, профессор? — бодро сказал Кузя.

— Да, по лесному делу, лесник? — поддакнул Биба.

Этого Лесной царь не ожидал.

— Профессор по бабочкам, — пояснил Кузя. — Вы так здорово с дерева соскочили и погнались на тропку за бабочкой.

Такого Лесной царь вовсе не ожидал.

— Нет, нет, ребяташки, — подбирал он слова. — Это не так. Вот сын мой Царевич, может, и будет когда-нибудь профессором, а я уж, простите меня, Лесной царь. Слышали? Да, и Водяной царь — одновременно.

Ребята, кажется, удивились. Нет, не очень удивились, как думал Лесной царь, — они вовсе не испугались. И не убежали от него, а, наоборот, подошли поближе, а один из них, тот, что по хоккею Кузей назван, даже пощупал его бороду.

— Царь? Это — интересно! — сказал Кузя.

— По-моему, тоже, — согласился Биба.

Потом Кузя сказал:

— Это интересно для меня еще и потому, что настоящих царей я, например, никогда не видел. Не знаю, как Биба...

— Я тоже не видел, — поспешил ответить Биба.

— Так вот, — продолжал Кузя. — А меня, понимаете ли, дедушка, это давно беспокоит. Все дело в том, что еще очень давно, в детском саду, не в старшей, а в средней группе воспитательница однажды отругала меня и сказала: «Ты без царя в голове». Она была, конечно, права, а я неправ, но я поинтересовался, что значит «без царя в голове». Я сказал ей: «Я извиняюсь! Я больше так не буду! Но что такое царь? И где можно увидеть его? Я хочу знать, Нина Павловна, кого у меня нет в голове». А Нина Павловна ответила: «Подрастешь, узнаешь». И вот сейчас вы — настоящий царь. Простите, дедушка, что мы приняли вас за профессора по бабочкам! Я очень рад!

— И за лесника! — бодро сказал Биба. Бодро, но не очень...

«Нет, ничего им не грозит, раз о мышах они не думают», — решил Лесной царь, или дедушка, как называли его Кузя и Биба.

А в лесу все время шло какое-то движение и шевеление. Кузя это заметил, и Биба заметил.

Кто-то появлялся в кустах, то слева, то справа кто-то мелькал за стволами деревьев и даже над головой дедушки, и все разными голосами говорили ему:

— Здравствуйте!

Некоторые добавляли при этом слово «дедушка» и получалось: «Здравствуйте, дедушка!»

И дедушка всем отвечал, здоровался и еще спрашивал о чем-то; и Кузя первым понял, что у дедушки здесь много друзей, а значит, лес — он прав был, когда позвал сюда Бибу! — не просто лес, а что-то более интересное.

Биба же смотрел на Кузю, и почему-то ему было чуть-чуть страшно. Уж очень много голосов здесь в лесу и каких-то непонятных жителей, и совсем удивительно, что Кузя никого не боится...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Кузя и Биба убеждаются, что борода — это не самая лучшая вещь на свете. Что беспокоит Лесного царя. Как обрадовался Лесной царь известию, что в Пионерском царстве есть телефон.

— А вы бороду тоже бреете, как все? — невзначай спросил Биба у Лесного царя.

Кузя, привыкший к тому, что первый, наиболее умный вопрос, всегда задает он, а не Биба, огорчился.

Ну, как же так! Он, Кузя, конечно, признает Бибу из киевского «Динамо», но вовсе не должно быть так, что друг его Биба должен высказывать вперед со своими вопросами. Кузя — объективный человек, он признает, что Биба из киевского «Динамо» — отличный футболист. Кузя — объективный человек, он признает, что его друг Биба — один из лучших друзей в пионерском лагере. Тем более что борода — это не проблема. Подумаешь, у Льва Толстого была борода. И у многих известных классиков. А когда он в детском саду был, туда часто приходил один

родитель, так у него тоже была борода. Хотя он был вовсе никакой не Лесной царь, а просто родитель, просто папа.

Кузя мог долго рассуждать на эту тему, но он мужественно сдержал себя и спокойно произнес:

— Бороду всегда надо брить, даже если она борода. У меня и папа так! Правда, у него борода маленькая...

Биба понял, что он не к месту выскочил вперед, и сразу же поправился:

— Я о бороде только так...

— Борода, ребятушки, — сказал Лесной царь, — это сложная штука. Во-первых, она страшно мешает...

— Как так? — поинтересовался Кузя.

— А так, трудно с ней... Впрочем, вот смотрите, ребятушки, — сказал Лесной царь, который знал, что детям мало что-то рассказывать, им надо показывать, наглядно показывать.

— Итак, проведем эксперимент. Я делаю десять шагов в одну сторону — вы идете рядом. Я делаю десять шагов обратно, сюда, вы идете рядом. Потом вы увидите, что будет с моей бородой. Сейчас она вам нравится, да? Очень хорошо. Так начали?

— Начали! Конечно! — согласились Кузя и Биба.

И Лесной царь двинулся вперед. Раздвигая ветки и сучья — десять шагов ровно, поскольку Кузя и Биба шли за ним и считали.

— Правильно, десять? — спросил Лесной царь, отсчитав именно десять шагов и поворачивая назад.

Кузя видел, как цеплялась дедушкина борода за кусты и даже стволы деревьев, иногда дедушке приходилось поднимать бороду, а то и отрывать ее от смолистых стволов сосны и сучков, за которые она цеплялась.

Биба видел то же самое, и он как-то не мог сформулировать свои мысли сразу; потом он, конечно, понял, что к чему, но сразу — нет.

Впрочем, и не только с такими людьми, как Биба, это случается, а и с куда более взрослыми и солидными. Сначала не понял, а через двадцать лет все понял, и все стало ясно.

Обратный путь с дедушкой они совершили тот же. Всего десять шагов.

У Кузи не раз слетал на этом пути берет, у Бибы какие-то палки попадали под мышку. И еще всякая мошкара лесная лезла в глаза.

— Ну, а теперь, ребятушки, проверьте мою бороду, — пред-

ложил Лесной царь. — Посмотрите, что в ней? Только не бойтесь, пожалуйста, не бойтесь!

Лесной царь сел на березовый пенек.

Кузя и Биба подошли к бороде.

— Трава!

— Щепка!

— Палка!

— Елочка!

— Кора!

— Смола!

— Паутина!

— Муха!

— Репей!

— Почка!

— Ветка!

— Лист сухой!

Так наперебой говорили Кузя и Биба, очищая бороду дедушки от травы, щепок и палок, елочек и коры, смолы и паутины, мух и репьев, почек, веток и сухих листьев.

— Да, — говорил Кузя.

— Да, — говорил Биба.

— А если хотите, на речку еще сходим? — предлагал Лесной царь. — Там еще сложнее. Речки у нас никто не чистит, заросли они...

— Вы уже купаетесь? — спросил Кузя.

— Нам пока не разрешают, — сказал Биба.

— Я по должности Водяного вот уже круглый год купаюсь, — признался Лесной царь. — Так не пойдем на речку? А то покажу... И увидите, что такое борода, если... Радуйтесь, что у вас, ребятушки, бороды пока нет. Я вам, например, завидую. А вот я...

Лесной царь все про бороду рассказал: и про то, как с этой бородой трудно по совместительству выполнять обязанности Водяного, потому что в ней путаются разные водоросли, и как плохо, что рядом нет хорошей парикмахерской, где могли бы привести за полтинник или даже за рубль бороду в полный порядок, и что самое ужасное, борода теперь так разрослась, что ночью порой в ней путаются мыши.

— Кстати, — осторожно спросил Лесной царь, — вы о мышах ничего не слышали?

— Нет, а что? — поинтересовался Кузя.

— И царица вашего Книжного царства не жаловалась?

Кузя и Биба переглянулись.

— Кто? Олимпиада? — спросил Кузя.

— Та, что с косой, — пояснил Лесной царь.

— С косой это только Олимпиада может быть, — подтвердил Кузя.

— Она, конечно, — поддакнул Биба.

— Тогда у меня, ребятушки, еще один вопрос к вам. Можно? — спросил Лесной царь.

— Конечно, можно! — сказал Кузя.

— А почему нельзя? — подтвердил Биба.

— Скажите мне, пожалуйста, — пояснил Лесной царь, — а не замечали вы, ну хотя бы случайно, что Олимпиада ваша, как вы ее называете, боится мышей?

Кузя с Бибой переглянулись. Биба пожал плечами. И Кузя пожал плечами.

— Нет! А почему? — спросил Кузя.

— Да, почему? — поддакнул Биба.

— Понимаете ли, ребятушки... Как бы вам это сказать... — Лесной царь потряс бородой, почесал ее о пень березы, на котором сидел:

— Мы с вами мужчины! Правда? И должны всегда поступать как настоящие мужчины! Верно? А вот женщины некоторые, хоть бы и мою жену взять, покойную царицу, они, понимаете ли иногда поступают как женщины. И вот ваша царица Книжного царства, Олимпиада, вдруг, например, столкнется с мышами? Как тут поступать? Если она их не боится, это хорошо. А если боится?

— По-моему, она их не боится, — уверенно сказал Кузя, защищая авторитет Олимпиады.

— Определенно не боится! — еще более уверенно сказал Биба. — А чего их бояться, когда их нет!

— Ну, если не боится, это хорошо, — согласился Лесной царь.

«Интересные они, современные дети! — подумал про себя Лесной царь. — Плохо мы, старики, их понимаем. Вот хоть эти — Кузя с Бибой. Думал, они испугаются меня, а им хоть бы что! Думал, не надо называть себя, а им — Лесной царь и Водяной — нипочем. Им это все равно, что лесник или профессор по бабочкам!»

— А почему, дедушка, вы про мышей спрашиваете? — поинтересовался Кузя.

— Почему? — подтвердил Биба.

— Я так просто, — сказал Лесной царь. — Слышал, когда вы о птицах и всяких животных вспоминали, и о любви говорили, про мышей не забыли. «Какие-нибудь мышата у мышей». Кажется, это ты, Кузя, говорил?

— Это я просто так, — обрадовался Кузя. — Для убедительности. Биба не понимал, что такое любовь и почему целуются, я ему все на примерах объяснил. Правильно, Биба?

— Правильно, — согласился Биба.

— Ну, и хорошо! Ну, и хорошо, ребятушки! — согласился Лесной царь. — А живете-то вы как?

Кузя с Бибой начали наперебой рассказывать. Ну, конечно, плохо, что их не в палатки поместили, а в домик, зато у них военная игра была, и это все Олимпиада придумала, и они все победили, и потом сам Вас-Сим хвалил их вожатую, и она действительно молодец: вот и с Книжным царством все так здорово, интересно. Кто раньше читать не любил, сейчас все читают книжки, а книжки такие, что не оторвешься. Олимпиада сама рассказывает о них сначала, потом показывает, а уж только совсем потом дает читать. У них в школе, например, в библиотеке не так, хотя там Книжное царство ничуть, наверно, не меньше этого Книжного царства. И там они вообще ни про какое Книжное царство не слышали, а уж про Книжное море, из которого книги текут большими и малыми реками, ручьями и ручейками во множество Книжных царств, и в том числе в Книжное царство их лагеря, тем более. С Олимпиадой здорово! С ней не заскучаешь! И в грозу, например...

Лесной царь слушал, радовался.

— Ну, конечно, и родители к вам приезжают? Папы, мамы? Дедушки, бабушки? — спросил он.

Биба удивился.

Кузя удивился еще больше.

— Родители? Зачем? — воскликнул Кузя. — Мы с ними по телефону каждый день говорим. То они нам звонят, то мы им. Очень просто! Сначала надо набрать две восьмерки, а потом свой телефон, и — жди гудка! Если, конечно, не занято... У вас тоже ведь телефон...

— У меня не такой, увы, ребятушки! — Лесной царь чуть не подпрыгнул от удивления. А может быть, и подпрыгнул, потому, что Кузя и Биба заметили, как он вытащил конец бороды из-под правой ноги. — Телефон? Две восьмерки и прямо город? Не может быть! — закричал Лесной царь. — Эх, елки-палки! Вот уж поистине, что будет, то будет, а чего не будет, того уж никогда не будет!

— Почему не будет? Он есть! — сказал Кузя. — У Вас-Сима в кабинете телефон. Он сам говорит: «Звоните сколько хотите! Мне же лучше! Лишь бы не родительский день. А так и родители ваши спокойны, и вы довольны, и мне хорошо». Так что с этим у нас все в порядке.

— А вдруг связи не будет? Бывает же так, что телефон есть, а связи нет, — засомневался Лесной царь. — Мне говорили, будто часто так бывает. А-а?

— У нас такого не бывает, — сказал Кузя. — У нас даже в грозу телефон работал, как часы. Все, кто первыми перепугались, бежали к телефону, чтоб папам-мамам позвонить. Только мы с Бибой...

— У нас и посторонние звонят, — добавил Биба. — Из Степного царства приходят, из Горного, из колхоза и с птицефермы. Председатель колхоза, между прочим, такой хороший дядя, все ругает нас и ругает, говорит, что мы засоряем его территорию, а звонить все равно к нам приходит. Когда звонить нужно, он не ругается. А тут даже предложил, что его колхоз готов быть подшефным лагерю, потому что от лагеря все равно никуда теперь не денешься... У нас звонить просто!

— Если вам нужно, пожалуйста! — с готовностью предложил Кузя.

Вот тут Лесной царь действительно подпрыгнул от радости. Как молодой! Только бороду на сей раз руками придержал. Может, и правы они, молодые, что ни о чем не беспокоятся. Но он — старый сучок — должен выяснить неясное. Могут ли в самом деле мыши напасть на Книжное царство, а потом и на Книжное море? И вообще, что все это значит, о чем говорил ему Русак?

— И сейчас можно? — спросил Лесной царь.

— И сейчас! Конечно! — подтвердили Кузя с Бибой.

— А меня, ребятушки, не заругают?

— Кто вас заругает? — опять первым выскочил Биба.

— И потом, вы с нами! — пояснил Кузя, сурово глянув на Бибу. — Пошли?

— Пошли!

И они пошли в сторону лагеря. Тем же путем, что шли Кузя с Бибой — через овраг, левее и еще чуть левее, прямо и теперь вправо, прямо и влево. Мимо папоротников, мимо земляники и колокольчиков, мимо ландышей и мягких, как губка, поросших мохом полян, между стволами елей, сосен, осин и редких берез.

Пели птицы, но сойки уже не гонялись друг за дружкой и даже не целовались, пауки плели свою паутину, порхали пестрые бабочки, и шуршала листва под ногами, и трещали сухие сучья.

Когда оказались на опушке и впереди уже был виден лагерь, Биба спросил:

— Сначала к себе или прямо?..

— Прямо к Вас-Симу, — твердо сказал Кузя. — Сначала дело, а потом все остальное.

Они прошли стороной домик своего отряда, палатки пионеров, беседку «Книжного царства», кухню и подошли к изолятору. Здесь как раз, конечно, не в самом изоляторе, а в этом же доме, и был кабинет Вас-Сима.

— Пожалуйста! — сказал Кузя. — Проходите, дедушка!

Начальника лагеря не было, дверь открыта, телефон скучал на столе.

— Прямо так? — спросил Лесной царь.

— Прямо так, — пояснил Кузя. — Только не забудьте сначала две восьмерки. А мы пока на улице вас подождем.

И Кузя закрыл за Лесным царем дверь.

— А здорово, что он — Лесной царь, — произнес Биба, когда они остались вдвоем. — И еще Водяной!

— Вообще-то здорово, — согласился Кузя, — но если вдуматься, ничего особенного. Ведь это сейчас, как лесник, например, или там водник, что за рекой следит. Кто-то же должен следить за лесом и рекой...

За дверью слышался приглушенный голос Лесного царя.

«Значит, дедушка соединился. Говорит, соединился», — подумали Кузя и Биба.

И вдруг Кузя закричал:

— Смотри! Смотри! Видишь?

Что-то серое промелькнуло в траве.

— Ничего не вижу! А что? — не понял Биба.

— Мышов видишь? Вон они, смотри! — в испуге произнес Кузя.

— Не вижу...

— Пять штук сразу! Прямо от Книжного царства в кусты. И уже пропали... Знаешь, это что-то... Недаром и дедушка нас спрашивал, — сказал Кузя.

— Так давай тогда ему скажем! — предложил Биба.

— Подожди!

— А чего ждать?

— Ну, Олимпиаде, если хочешь? Давай! — предложил Кузя. — Давай? Или испугается?

— А ты их видел? Она-то, конечно, испугается...

— Говорю ж тебе, что видел, — подтвердил Кузя. — А может, не видел...

— Вот, не знаешь, а чего говорить тогда, — произнес Биба. — А если нам с тобой это показалось?..

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Тишина в Пионерском царстве. Дядя Софа. Кто он и почему так любит повторять: «Кому пирожки печь, тому и отвечать». Чему обрадовалась Олимпиада и все остальные жители Пионерского царства.

— Спасибо вам, ребятушки! Дозвонился! Поговорил! Вот мне бы, елки-палки, такой телефон! До чего ж удобно, Я уж и Царевичу опять своему сказал...

В Пионерском царстве стояла поразительная тишина. Кузя с Бибой проводили дедушку до опушки, вернулись в свой отряд — никого. В соседних палатках тоже — никого. Странно!

Хорошо, что дедушка дозвонился до города, с самим Царевичем поговорил и остался доволен, но куда исчезли все ребята из лагеря и все взрослые?

Кузя и Биба вернулись домой. Сели на заправленные кровати — каждый на свою. Помолчали.

— Конечно, интересно, — наконец сказал Кузя, — что и Лесной царь есть, и Царевич есть...

— Этого, насчет Царевича, я не ждал, — признался Биба.

Потом они посмотрели в окно. Пусто. В коридор выглянули — опять пусто. Снова сели на свои кровати. Вздохнули.

— А как ты думаешь, где они все? — спросил Кузя.

— Я думаю?

— Да, ты?

— А ты, как думаешь?

— Почему я все время должен думать, а ты не должен?..

— Я просто так спросил...

— Может, у них какая-нибудь неожиданная военная игра на весь лагерь? А что еще? — предположил Кузя.

— Если игра, то жаль, — сказал Биба. — Без нас, жаль...

— А если не игра, то что? — опять спросил Кузя.

— А если не игра, то неизвестно что, — подтвердил Биба.

— И до обеда еще далеко, — сказал Кузя, — целый час!

— Если игра, то обедать они будут в лесу, как мы тогда, помнишь?

— Ох, у меня мысль! — вдруг заявил Кузя. — Ты молодец, Биба, что сказал об обеде в лесу! Мы сейчас пойдем на кухню, там-то уж кто-то, конечно, есть, и все узнаем. Дядя Софа всегда на месте. Если обед готовят в лес, то, значит, игра. Мы еще подключиться сможем! Правда?

— Правда! — согласился Биба.

— Пошли на кухню!

Они выбежали из домика и побежали через пустынный лагерь на кухню. Домик кухни дымил высокой железной трубой и очень вкусно пахнул.

Чем пахнул домик? Даже трудно сказать чем, но Кузя и Биба втянули в свои носы этот вкусный запах, и каждый про себя подумал, что пообедать сейчас было бы в самый раз.

Они поднялись по двум ступенькам на крыльцо и заглянули в дверь.

— Есть кто? — спросил Кузя, хотя и так было ясно, что кто-то на кухне есть. На кухне шипело трещало, дымилось, гремело и звенело, и среди всего этого шума-гама были слышны человеческие голоса.

— Есть кто? — повторил Биба вопрос Кузи, но их никто не услышал и не увидел.

Дым!

— А дядя Софа там, — уверенно сказал Кузя. — Я слышу.

— Я, по-моему, даже видел его сейчас.

Кузе не понравилось это замечание Бибы.

— Ты лучше бы мышов тогда видел, пять мышов сразу, — сказал он.

— А как правильно, — вдруг спросил Биба. — Носок или носков? Чулок или чулков? Мышей или мышов? У меня дома мама...

Кузя растерялся:

— Носков, чулков, мышов — не знаю. Но ты подожди, Биба, не отвлекай меня! От главного — не отвлекай. Ты скажи, видел их или не видел?

— Я их, пожалуй, не видел, — признался Биба, — потому что... Они, мыши, маленькие, правда? И серые, правда? А дядя Софа большой, правда? Он, как Жаботинский, правда? Я с ним под душем купался и видел, что он, как Жаботинский...

— Мы с ним и с тобой вместе купались, — уже мягче сказал Кузя. — Неважно, кто из нас видит дядю Софу. Хуже, что он нас с тобой сейчас не видит. Он бы уж точно сказал, куда они обед готовят — по отрядам или для леса...

А дядя Софа — это действительно удивительный человек! Несмотря на то что он еще совсем не старый, ему двадцать восемь лет, он мог поднять одновременно на руках шестерых октябрат или четырех пионеров. Или, сложнее, — трех пионеров и двух октябрат. Кузя и Биба как раз были в таком положении: они — двое плюс три пионера. Говорили, что дядя Софа и слона, если нужно, может поднять, а уж корову — запросто. Про быка не го-

ворили, но про корову — точно. Когда в лагерь привозят мясо; дядя Софа берет корову (без шкуры, конечно) из кузова грузовика и прямо несет на кухню в котел.

Для Кузи и Бибы после двух самых знаменитых взрослых людей в лагере — Вас-Сима и Олимпиады, третьим, пожалуй был дядя Софа. Имя его, поначалу очень странное, перестало быть странным, когда ребята узнали, что зовут его Софроном. Софа и Софрон — одно и то же, но вот отчество у дяди Софы было какое-то сложное.

Начальник лагеря Вас-Сим звал его по-разному:

— Как там у нас на кухне, Софрон Аполлинарьевич?

В другой раз:

— Как там у вас дела на кухне, Софрон Ипполитович?

Потом и еще по-новому:

— Как там у нас дела на кухне, Софрон Илларионович?

Сам дядя Софа отвечал на все вопросы четко, по-военному, на искажение своего отчества не обижался, и поэтому, наверно, больше всего любил ребят, которые называли его просто «дядей Софой».

Правда, в глубине души дядя Софа не раз думал, что имя Софа — скорее женское, чем мужское, но какое это в конце концов имеет значение! Важно накормить этих ребят получше, ведь они, ребята эти, — ребята. Он обожал ребят!

Не зря он, Софрон Огурлиевич, а не Аполлинарьевич, Ипполитович, Илларионович, наконец, Огуреевич, как его иногда обзывали, даже из «Метрополя» ушел, из ресторана высшего класса, хотя и имел там первый разряд. Нет, ему не надо важных клиентов! Он, сын кабардинца и русской, хочет кормить детей — надежду будущего! Они — лучшие клиенты в мире! Они — в конце концов, если подумать, и есть наш завтрашний день. И уж если не ему отвечать за будущее, то кому же отвечать? Один взрослый так скажет, другой, третий подумает, а дети растут. Рядом растут! Кому пирожки печь, тому и отвечать! Так думал Софрон Огурлиевич и, хотя работал только на кухне, считал себя причастным к великому делу воспитания.

Кузя и Биба все еще стояли у двери кухни, но никто оттуда не выходил.

— Может, ты позовешь дядю Софу? — спросил Биба. — А он нам уже все объяснит...

— Я думаю, что лучше позвать тебе, — предложил Кузя. — Помнишь, как он тогда с тобой говорил после того, как нас всех поднимал: тебя, меня и трех пионеров?

— Помню, — вспомнил Биба. — Я могу...

— Так давай!

Но давать уже было нечего. Из двери кухни вышел сам дядя Софа и очень удивился:

— А вы что тут, а не со всеми?

— А мы... А что... А мы... А почему...

— Разве вы не знаете? — удивился дядя Софа. — А вы из изолятора, наверное? Так, все понятно! У нас, понимаете ли, ЧП, то есть чрезвычайное происшествие. Пропали двое ребят. И вот весь лагерь отправился на поиски. Разделились на особые группы. Одну возглавляет Вас-Сим. Вторую — Олимпиада. Третью — врач или докторша, как говорят. Четвертую — председатель соседнего колхоза. Он тут как раз оказался...

— Спасибо! Спасибо! — сказал Кузя.

— Большое спасибо! — сказал Биба.

— Ну, а вы не болейте! — посоветовал дядя Софа. — Вижу, свинка у вас. Ничего, поправитесь! Мы еще с вами!.. А вот тем, что пропали, ну и достанется! Ох, как! Кому пирожки печь, тому и отвечать!

Кузя с Бибой отбежали от кухни и присели на траву. Отдыхали. Подумали. Помолчали.

— Хорошо, что не военная игра, — сказал Кузя.

— Хорошо, но тоже жаль, — признался Биба.

— Да, конечно, — согласился Кузя. — Кто-то пропал, они все их ищут, а мы...

— Да, — сказал Биба.

— Они, понимаешь ли, найдут их и в лагерь приведут, а мы с тобой, оказывается, ни при чем, не пошли на выручку своим же товарищам. Ты это понимаешь? — выпалил Кузя.

— Понимаю, — признался Биба.

Они встали и направились к дому.

Кузя и Биба были настолько огорчены, что не участвуют в поиске пропавших, что даже не заметили, как мимо, почти рядом прошмыгнуло несколько мышей.

И вдруг, не успели Кузя и Биба дойти до своего домика, началось что-то необычное. Зашумел, загалдел лес справа. Зашумел, загалдел лес впереди. Зашумело, загалдело поле перед рекой. Зашумел, загалдел весь лагерь.

— Миленькие мои, родненькие мои! — бросилась на Кузю неизвестно откуда появившаяся Олимпиада.

— Какое счастье! — бросилась на Бибу врач — она же докторша.

— Ничего не говорите! Все отлично! Все превосходно! — кричал Вас-Сим, отнимая у Олимпиады и врачихи Кузю и Бибу.

— Я же говорил... Я что вам говорил... — Председатель со-

седнего колхоза хватал по очереди Бибу, Кузю, Олимпиаду, Вас-Сима и всех остальных: — Куда у нас деться? У нас некуда деться! Я же говорил...

Вокруг шумели, кричали, прыгали мальчишки и девчонки — пионеры и октябрюта, и дядя Софа, появившийся тут как тут, без конца повторял: «А я им говорю — из изолятора. А я им и здоровья желаю. А я им и про свинку что-то. А они, когда я им говорю...»

«Значит, они их нашли», — подумал Кузя, когда его начали качать.

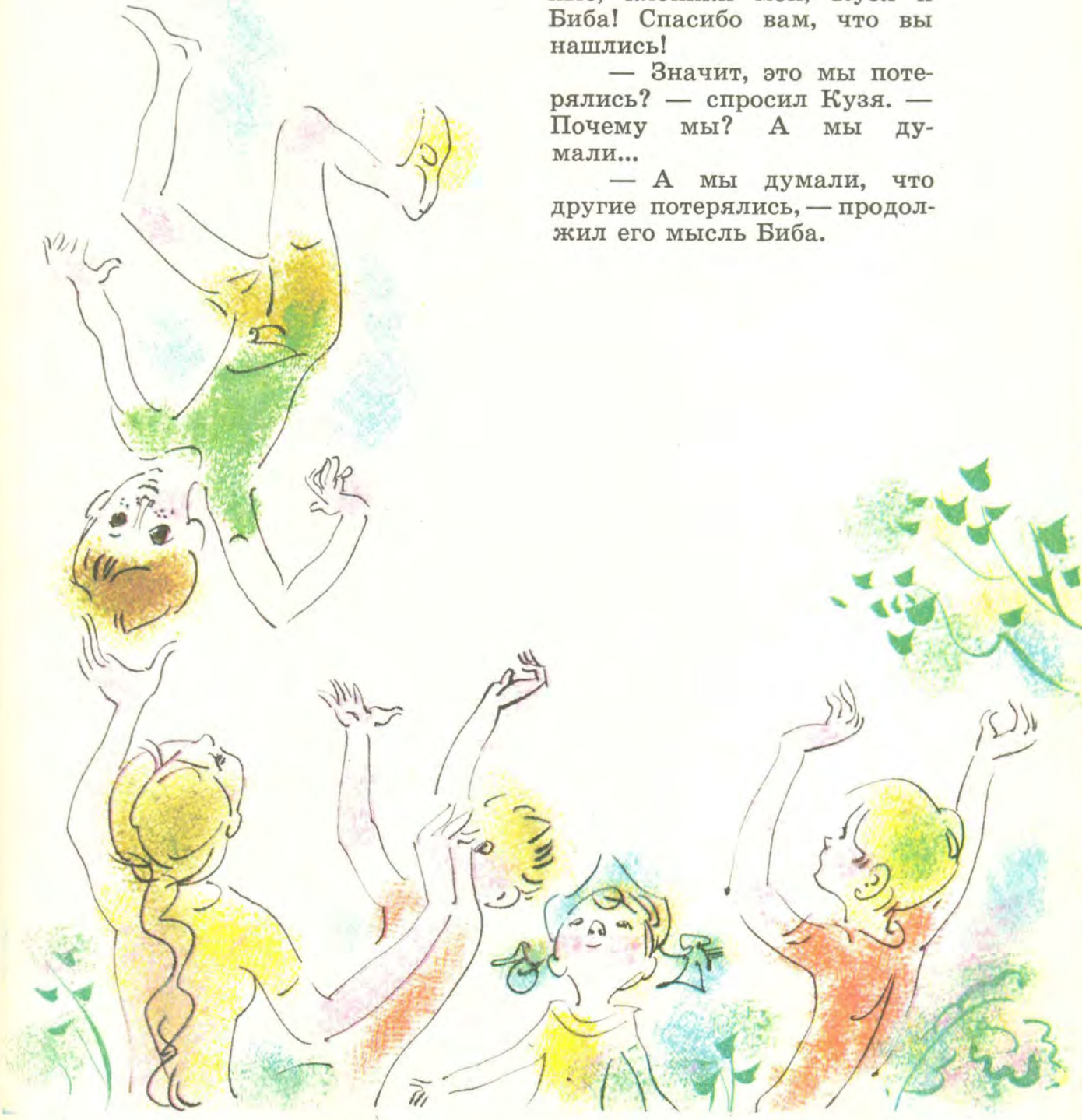

«Хорошо, что нашли их», — решил Биба, когда и его подбросили в воздух.

— У нас сегодня праздник! — воскликнула Олимпиада. — А у меня — особый праздник! После всех... Спасибо вам, хорошие, славные, клопики мои, Кузя и Биба! Спасибо вам, что вы нашлись!

— Значит, это мы потерялись? — спросил Кузя. — Почему мы? А мы думали...

— А мы думали, что другие потерялись, — продолжил его мысль Биба.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Разговор Вас-Сима с Олимпиадой. Подготовка к новой военной игре. Олимпиада ждет совета от Кузи и Бибы по очень важному вопросу.

Вечером начальник лагеря пригласил к себе Олимпиаду.

— Я позвал вас, — официально начал Вас-Сим, но потом увидел, как Олимпиада дергает косу, улыбнулся: — Не кажется ли тебе, Олишка, что нам надо опять придумать что-то героическое? Вот и случай с твоими Кузями и Бибами о чем говорит? Ребята тянутся к чему-то необычному, а мы им что: подъем-зарядка, обед-прогулка! Может, игру военную затеем, как тогда у вас в отряде? Только для всего лагеря? А-а?

— У них никто «белыми» не хочет быть, «фашистами» — не хочет, «противниками» и то не хочет, — сказала Олимпиада. — А «Елочки», «Палочки» — это уже было. Неинтересно.

— А мы что-нибудь новое придумаем. Давай? — предложил Вас-Сим. — И так, чтобы поначалу никто...

Ребята в это время спали.

И Кузя с Бибой спали. Кузя спал крепко, но по обыкновению что-то бормотал во сне. Биба спал тоже крепко, но чутко и слышал все, что бормочет Кузя, но только понять его слов никак не мог.

И Биба, если признаться честно, уже начал в душе сердиться на Кузя. Уж если что-то говорит во сне, то пусть говорит ясно!

Но тут спящий Кузя словно понял Бибу.

— Биба! — крикнул он во сне и сел на кровати.

— Что, Кузя? — Биба тоже приподнялся на подушке.

— Лесной царь — хороший человек! — отчетливо сказал Кузя. — Я так думаю!

— Я тоже! — согласился Биба.

— Ты помнишь, что он нам говорил? Ты все помнишь? — спросил Кузя.

— Еще бы! — удивился Биба.

— А насчет женщин вообще и нашей Олимпиады, помнишь?

Кузя приподнялся на подушке так, словно он и не спал сейчас, и опять спросил:

— То, что женщины слабые, ты понял?

Биба, честно говоря, никогда не думал об этом, но Кузя гово-

рил сейчас так уверенно, что не соглашаться с ним — преступление.

— Я это давно знаю, — сказал Биба, чтобы как-то успокоить Кузю.

— Я не про то, — пояснил Кузя. — Когда Лесной царь про Олимпиаду нас спрашивал, он это или не это имел в виду?

— Не знаю, — признался Биба.

— А я думаю так, — продолжил Кузя. — Что будет, то будет, как говорит Лесной царь, но если что-то будет с этими самыми, то мы должны с ним посоветоваться! — решительно произнес Кузя. — Только с ним! Лучше с ним, чем пугать Олимпиаду. Она и так боится. Ты согласен?

— Я, конечно, согласен, — согласился Биба. — Я только не понимаю, с кем, «с этими самыми»?..

— Ну, с этими, как их, которые мыши, — пояснил Кузя.

Кузя очень мягко повернулся, лег правой щекой на подушку и, пробормотав что-то, вздохнул.

Он спал.

Наутро Вас-Сим собрал всех вожатых, и они очень долго совещались. О чем, никто не знал.

Лишь одна фраза вырвалась из кабинета начальника лагеря.

— Надо провести соответствующую работу по всем отрядам!

Фразу эту ребята разнесли по всему лагерю.

— Слышал? Надо провести соответствующую...

— Слышал? Работу по всем отрядам!

— Слышал? — спросил Кузя у Бибы. — По всем отрядам будут теперь...

— Проводить соответствующую работу. Конечно, слышал, — сказал Биба. — Может, из-за нас, что мы пропали и нас все искали?

— Нас же никто не ругал! — возразил Кузя. — Вспомни, наоборот, хвалили, на руках носили! Нет, это не то.

— А тогда что? — поинтересовался Биба.

— Не знаю, пока не знаю, — задумался Кузя. — Но мне кажется, что будет что-то очень важное. И если будет...

— Непонятно ничего, а все равно здорово! — сказал Биба.

— Верно, Биба, — согласился Кузя. — Вот поэтому я и хотел тебе сказать. Если, конечно, ничего не будет, то пусть, но уж если что-то будет, то мы обязательно должны быть вместе с ним — Лесным царем. Знаешь, какой он! По лесу кто ни идет, все с ним здороваются. Телевизор у него есть, радио и даже свой Царевич. А вспомни, как он здорово говорил, что все мужчины

должны быть мужчинами, а женщины — женщинами... Он мудрый! И нас никогда не подведет!

— А как мы его найдем?

— Как тогда, — сказал Кузя. — Только тогда мы с тобой медленно шли, на всякие птичьи поцелуи смотрели, а тут, если что, бегом. А бегом до него три минуты ходу!

Их разговор прервала Олимпиада:

— Скучаете?

— Ну, что вы! — сказал Кузя.

— Вовсе и нет, то есть да! Не скучаем! — подтвердил Биба.

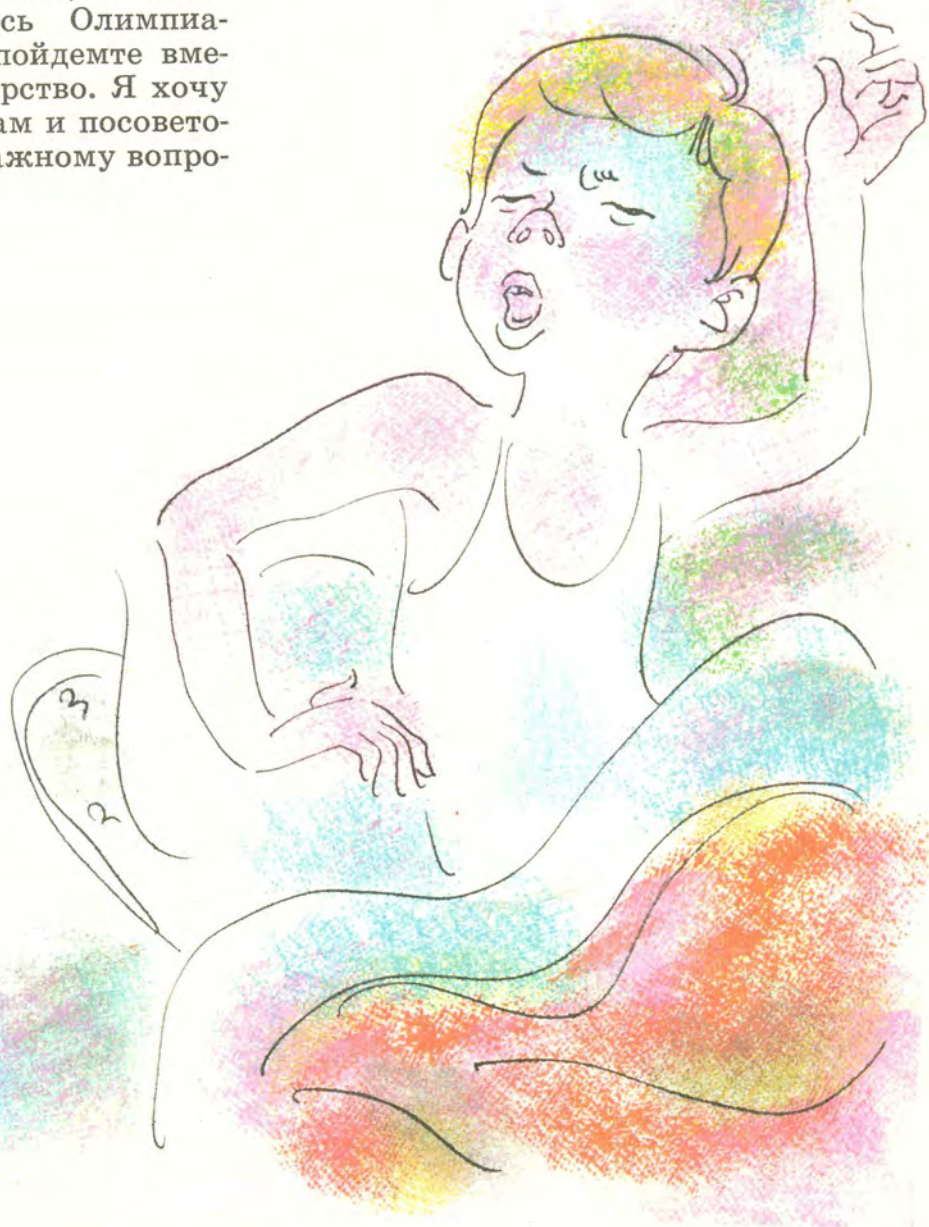
— Что-то вы, Кузя и Биба, и в Книжное царство не заходите? — сказала Олимпиада.

— Мы заходим, — поспешил оправдаться Кузя. — И потом...

— У нас книжки на руках, — сказал Биба. — У меня, например, сразу три.

— И у меня две, и мы еще обмениваемся с Бибой, и с другими ребятами, — пояснил Кузя.

— Ну, и хорошо, миленькие, — согласилась Олимпиада. — А сейчас пойдемте вместе в Книжное царство. Я хочу что-то показать вам и посоветоваться по очень важному вопросу. Хорошо?

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Кое-что о хвостах и хвостатых. Надо или не надо их бояться?

— Вы тигров боитесь? — спросила вдруг Олимпиада, когда они пришли в Книжное царство.

— Нет, а что? — поинтересовался Кузя.

— А почему их надо бояться? — воскликнул Биба.

— А крокодилов, ящериц, тушканчиков? — продолжала Олимпиада. — И их не боитесь?

Кузя не знал, кто такое тушканчики, но крокодилы и ящерицы! Чего их бояться!

— Нет, мы их не боимся, — сказал Кузя за себя и за Бибу.

— А если они едят самое святое?

Биба не знал, что сказать.

Кузя сказал:

— Если святое, то их надо, наверно, уничтожать!

— Ну, уже хорошо! — удовлетворенно сказала Олимпиада. — Раз вы не боитесь тигров и тушканчиков, то это уже просто отлично. А я, понимаете ли, миленькие, боюсь всех, кто с длинными хвостами.

Ей хотелось сказать про мышей. Про то, что она боится их и что их длинные тонкие хвосты...

— И кошек? — выскочил вперед Биба. — Есть кошки, у которых хвосты вовсе не длинные...

— Молчи, ты! — одернул его Кузя. — Дай человеку высказаться!

— Простите, пожалуйста, — извинился Биба.

— И кошек, если хотите знать, — сказала Олимпиада. — Особенно тех, у которых длинные тонкие хвосты!

— Это плохо, — согласился Кузя. — Значит, вы и сорок боитесь?

— Сорок? — удивилась Олимпиада. — Нет, сорок я не боюсь, а почему их надо бояться?

Кузя понял, что спросил некстати, покраснел и так, на всякий случай, объяснил:

— Нет, просто у сорок тоже длинные хвосты.

— Сороки тут ни при чем, — обрезала Олимпиада. — А теперь пойдемте посмотрим.

Они подошли к книжным полкам, и Олимпиада стала выхватывать и показывать им книги:

— Как вам это нравится? Это хорошо, как вы думаете? Посмотрите, пожалуйста, внимательно! Это нормально?

Кузя был явно озадачен. Когда речь идет о книгах, как можно говорить — хорошо или плохо, нормально или ненормально.

Книга, пусть даже самая неинтересная, это — книга. Ее писал писатель, и поэтому к ней надо относиться уважительно. Он душу в нее вложил. Так говорила сама Олимпиада. И ругала их: «А вы не хотите читать его книгу? Вы думаете, легко писать книги? Люди жизнь отдают за это, а вы...» Так она говорила раньше, а сейчас спрашивает, хорошо эти книги написаны, нормально или нет.

И Бибе показались странными слова Олимпиады. Он, как и Кузя, брал из ее рук разные книги и не знал, что сказать. Ну, книги и книги, а раз книги — значит, хорошие. Вот и зачитаны до дыр ребятами. Если бы не нравились, то ребята их не читали бы. Ведь есть такие книги в Книжном царстве, которые стоят чистенькие, нетронутые. Как приплыли из Книжного моря, так и стоят...

И Биба даже сказал что-то по этому поводу, но ничего от себя, а повторил Олимпиаде часть того, что она сама им рассказывала.

— Если бы только так, — сказала Олимпиада.

— Да, если б только так, Это, конечно... А то... Вы правы...

Кузя нашелся. Сообразил, что надо делать. Надо, пока ничего не ясно, просто поддакивать Олимпиаде. Кузя улыбнулся, скромно покраснел от одной мысли, какой он сообразительный, и продолжил:

— Да, да. Пожалуй, вы правы.

— Конечно, права, — согласилась Олимпиада.

— Я именно об этом и говорю, — подтвердил свою мысль Кузя. — Ведь когда... Это нормально и даже хорошо. Но когда... Это плохо и совсем ненормально.

— Ты прав, Биба! — сказала Олимпиада.

— Биба — я, а Кузя — он, — вмешался Биба, — и это он сказал то, о чем вы говорите.

— Прости, пожалуйста, Кузя! — извинилась Олимпиада. — Я так взволнована, что...

— Волноваться не надо, — сказал Кузя.

— Не надо, — согласился с ним Биба.

— Но это безобразие! — продолжала Олимпиада. — Между прочим, я должна признаться вам, миленькие, что все последние ночи я не сплю. Бегаю сюда, проверяю. Это же ужасно, когда се-

рые хищники нападают на наше Книжное царство. Они... Вообще это отвратительно...

— А вы не волнуйтесь, — посоветовал Кузя.

— Я не волнуюсь, — сказала Олимпиада. — Но, поверьте мне, миленькие, обидно. Горько и обидно!

Серые дремучие существа выступают против книг — святого святых!

Кузя и Биба сочувственно отнеслись к этим словам.

вам вожатой. Но что ее волнует? Этого они понять не могли. А вообще, когда взрослые волнуются, это плохо. Так все время бывает — и дома, и на улице, когда они в городе, что кто-то что-то им говорит, даже жалуется, но понять, почему он жалуется, они не могут. Они — дети. А детям не надо все рассказывать. Детей и в кино не на все фильмы пускают, и от телевизора иногда гонят, но что поделаешь: такова уж

их судьба! Дети! Правда, то, к чему не пускают, особенно интересно! И то, что непонятно...

Кузя вспомнил последний случай с папой. Как раз перед отъездом в лагерь. Папа долго говорил ему что-то, как сейчас Олимпиада, и под конец добавил:

— Они меня не понимают! Понимаешь ли, сын, ну ни на копейку не понимают!

Тогда Кузе было очень жалко папу, но он ничего ему не сказал утешительного, а теперь, вспомнив его слова, подумал, что у папы и Олимпиады какие-то общие огорчения, и раз папа так сказал, то не стыдно повторить его слова вожатой, чтобы как-то утешить ее. Тем более что она говорит о каких-то хвостах. Тигры, тушканчики, крокодилы, ящерицы и хвосты! Их хвосты или хвосты, которые есть в школе у неуспевающих учеников?

— Я понимаю, — сказал Кузя с чувством. — Они вас не понимают. Это, конечно, плохо. Но если говорить о мышах, то нам и дедушка Лесной царь говорил. Но я думаю, что вы сейчас говорите о другом...

— Да, — подтвердил Кузину мысль Биба.

Олимпиада почему-то рассмеялась.

— Как о другом, миленькие? Я о мышах, только о них!

— О мышах? — переспросил Кузя.

— О мы-мы-мы-шах? — спросил Биба.

— Да, мы... А дедушка Лесной царь... А мыши, собственно... — Кузя тоже чуть не заикнулся.

Олимпиада опять показала им книги, которые уже показывала:

— Смотрите, корешок книги Марка Ефетова «Света и Камилла» изгрызли. А вот книжка стихов Эммы Мошковской. Вся обложка съедена. Еще одна, правда, эту не так жалко, не очень... Но съели очень! Вообще книги нет! Насквозь!

Кузя слушал Олимпиаду, а сам все чаще поглядывал на Бибу.

Потом шепнул ему на ухо:

— Ну, что я тебе говорил? Надо срочно советоваться с дедушкой!

— Не надо ей все раскрывать, — шепнул Биба. — Сам же говорил, что она боится! Лучше ее успокаивать, понимаешь?

— Понимаю, — шепнул Кузя.

— Давай, — шепнул ему Биба.

— Мыши — прелестные животные, — сказал Кузя, — и женщины, которые их боятся в погребе или на кухне, не должны их

бояться, а должны присмотреться к ним как следует и тогда понять...

Кузя пересказал своими словами все, что прочитал в свое время в книжке на эту тему.

— Что понять? Какие прелестные? — воскликнула Олимпиада. — Они грызут у меня лучшие книги! Они не дают мне... Они...

— А мы таких видели уже, — вставил свои слова Биба. — Вот с Кузей видели, когда пять мышов сразу — и в кусты.

— Это не мы видели, а я видел, — сказал Кузя. — И они действительно из библиотеки бежали в кусты.

— Миленькие! — взмолилась Олимпиада. — Я их боюсь! Что делать? Я, признаюсь, ужасно их...

Кузя сказал очень бодро:

— А мы с Бибой совсем их не боимся! И не потому, что они с хвостами!

— Почему же? — поинтересовалась Олимпиада.

— А потому, — признался Кузя, — что у нас есть лучший друг, дедушка Лесной царь и Водяной царь сразу, и он очень хороший, и все понимает. Он нас про мышей спрашивал, но мы тогда ничего не знали про мышей, но раз он спрашивал, то он все знал, и он даже в город звонил своему сыну Царевичу. А тот, конечно, еще больше знает, раз сам Лесной царь с ним советовался. Так что вы не беспокойтесь! Мы... Пожалуйста, не бойтесь и не беспокойтесь! Правда, Биба?

Биба все еще мучительно думал о том, почему он моложе Кузи, хотя Кузе столько же лет, сколько ему, а ему столько же, сколько Кузе. Но Кузя все знает и видит, а он...

— Ты что молчишь, Биба? — переспросил Кузя. — Правда?

— Правда! Правда! — сказал Биба. И, вспомнив ночь после упущенных мышей, и то, как вскакивал Кузя во сне, и его слова, добавил: — Мы, если хотите знать, мы... Если будет война с ними, то дедушка должен быть главнокомандующим! Только он!

— Правильно! — обрадовался Кузя, что Биба так точно повторяет его мысли.

— Вот именно, — закрепил Кузину мысль Биба.

— Кто он? — не поняла Олимпиада.

— Как кто? Мы же вам говорим. Конечно — он! Лесной царь! Дедушка! Водяной! Лесо-Водяной! — наперебой закричали Кузя и Биба.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

*Немного о лесной жизни. Что там и как сейчас.
Лесной царь идет купаться и загорать.*

До чего же тихо и хорошо сейчас в лесу. В поле, конечно, тоже хорошо, на реке хорошо, всюду — хорошо, но в лесу лучше. Лето прижилось окончательно, давно кончились первые дожди и неожиданные холода, прошли грозы и ветры, и вот все стало так, как должно быть в Лесном царстве в середине июня.

Деревья размахнулись, разрастаясь зеленью, а те, что хвойные, — новой хвоей; земля проросла травой, цветами, мхом; и каждый лесной уголок, и так не похожий на любой другой, засветился, задышал по-своему, показывая, как он хорош, неповторим!

Всякая мелкая живность повывлезла, повывползла, полетела из своих норок и щелей, укрытий и гнезд, доложила Лесному царю о своем существовании и занялась делами.

Счастливый, довольный Русак прибежал к Лесному царю:

— А у меня прибавление — сразу четверо. Два мальчика, две девочки!

— Поздравляю, дружок! — сказал Лесной царь.

Припелся Барсук, похвастался:

— А моя Барсучиха сразу двоих мне принесла. Умница она у меня!

Лось, пропадавший несколько дней, пришел похудевший, с блестящими влажными глазами:

— Сын! Наконец-то сын у нас!

Ежи ходили по несколько раз на день, и Лесной царь уже запутался, у кого двойня, у кого тройня, у кого девочки, а у кого мальчики.

О птицах и говорить нечего!

Рождались дети и внуки у обитателей Лесного царства, и всех их надо было кормить, всех поддерживать, ставить на ноги и на крылья.

И на душе у Лесного царя было хорошо. На прошлой неделе, с помощью Кузи и Бибы — этих милых ребят из Пионерского царства, Царевичу дозвонился. Царевич сессию успешно сдает.

— А что касается мышиных вестей, то ты, папа, не огорчайся и не расстраивайся, — сказал ему Царевич. — Я думаю, что ваша Олимпиада просто все преувеличивает, да еще с такими малышами. Что они знают?

Лесной царь успокоился. Тем более что в последние ночи мы-

ши совершенно перестали беспокоить его. Вроде и в лес теперь не заглядывали.

Лося спрашивал Лесной царь:

— Не видел их?

— Раньше видел, а вот дня три-четыре — ни одной.

У Барсука попутно интересовался.

— Только одну и видел — полевку, — объяснил Барсук, — но она наша, своя, по соседству на поляне живет.

Еж, самый старый и мудрый, вообще отмахнулся от вопроса:

— Давно нет, давно, а то, не дай бог, они у меня раньше все запасы потаскали. Ни на минуту от норы не давали отлучиться. Я бы уж знал, если бы были. Ведь я их страсть как люблю!

Лишь Русак, вездесущий всезнайка, объяснил все по-своему:

— А им некогда сейчас... Они, по-моему, готовятся к чему не знаю, но готовятся...

Хотя Русак и не очень серьезный заяц и недолюбливал его Лесной царь за болтливость, все же спросил:

— Зачем же ты, дурачок, туда, к мышам, в их царство, бегаешь? У тебя сейчас дети! Сам говоришь: два мальчика, две девочки!

— А я не сам, а я не сам, — объяснил Русак. — Чтобы я сам туда к ним побежал, то, поверь, дедушка, ни за то! Ни за какие морковки! Это другие говорят, другие, а они-то уж знают!

А в лесу был порядок.

И на реке после паводка — порядок. Река вошла в свои берега, и Лесному царю, то есть Водяному царю, ничего особенного делать не приходилось. Лишь бакены проверить, бумажки после субботних и воскресных туристов с берегов убрать, и все. Что касается утопленников, то их уже лет двадцать и при дяде Сене-Водяном не было. Река обмелела. Как в ней утопнешь!

Вспомнив о речке, Лесной царь подумал о ней не как Водяной и даже не как Лесной царь, а просто как человек. Ему захотелось искупаться. Не по службе, а просто так. А почему бы и не искупаться? Сегодня не суббота, не воскресенье, когда берега реки заняты приезжими.

— Эх, елки-палки! — произнес Лесной царь, щурясь под лучом солнца, что пробился сквозь ели и сосны сначала на бороду его, а потом и на лицо. — Сладко-хорошо! И пусть, что будет, то будет, а чего не будет, того уж никогда не будет! Пойду! Позагораю заодно, а может, и кефир в поселке куплю. Там два магазина и палатка.

Все запасы кефира у Лесного царя давно кончились.

А он так любил кефир!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Что беспокоило Олимпиаду, Кузю и Бибу. Неожиданная телеграмма. Волнения Вас-Сима. Неужели сорвется военная игра?

Октябрятский отряд гулял у самой плотины. Это была его территория для прогулок. У каждого отряда была своя территория, заранее отведенная начальником лагеря, но именно их, октябрятскому, отряду досталась эта — у плотины.

Олимпиада не раз пыталась спорить на эту тему с Вас-Симом.

— Вы что, хотите, чтобы мои октябрюта в первую очередь тонули? — спрашивала она, когда рядом были другие вожатые. А они, как назло, часто оказывались рядом, и Олимпиаде было трудно говорить с начальником лагеря. — Ты что, Вас-Симчик, миленький, думаешь, что октябрюта умеют плавать лучше пионеров? Да? У меня, например, только Кузя и Биба умеют плавать, а остальные — никто. И я, Вас-Симчик, не умею! Понимаешь? — говорила она, когда рядом никого не было, что случалось очень редко.

— Тонуть никто не должен, — говорил ей Вас-Сим. — А пересматривать наши решения мы не будем. И, слушай, там в конце концов негде тонуть! Там разве что мышь утонет, но никак не человек...

— Не говори, пожалуйста, мне о мышах. Умоляю! — просила Олимпиада.

— Почему? Мыши весьма симпатичные существа, Олишка...

— Насчет симпатичности мне уже говорили мои мальчишки, но меня это, поверь, не устраивает...

— А я, когда был маленьким, Олишка, — признавался Вас-Сим, — сам разводил белых мышей. Такие славные они у меня были, а когда рождались мышата, то просто...

Олимпиада совершенно не выдерживала.

— Белых! Так разве я о белых говорю! Я о серых, мышиных! Есть разница? — спрашивала она. — Вас-Симчик, дорогой, хороший! Замолчи, а то я упаду... — Олимпиада взмолилась.

— Куда, Олишка? — спросил Вас-Сим.

— В обморок! Понимаешь, в обморок!

Боже, какой он чудесный и какой наивный!

— Иди, Олишка, иди к своим октябрютам, а то они и правда в луже потеряются, — сказал Вас-Сим. — И пожалуйста, не волнуйся!

Вот и гулял октябрятский отряд у самой плотины. Все гуляли, кроме Кузи и Бибы.

Кузя и Биба не могли гулять спокойно. Они рыскали, без конца оглядывались, присматривались к траве и кустам.

— Нет? — спрашивал Кузя.

— Нет, — отвечал Биба. — А у тебя?

— И у меня нет...

Не менее странно вела себя и Олимпиада. Она, конечно, следила за всеми ребятами, но больше всего за землей и Кузей с Бибой.

Изредка она подходила к ним:

— Не видели?

— Нет! — отвечал Кузя.

— Нет, — подтверждал Биба. — А вы?

— И я нет...

И опять все трое приглядывались к траве, заглядывали в кусты.

Изредка Олимпиада вдруг отрывалась на минуту от непонятного занятия, бросалась к октябрятам, хватала первых попавшихся в круг и начинала затевать с ними хоровод.

Мы гуляем, мы гуляем,
Отдыхаем, отдыхаем,
Мы на речке загораем!
Хорошо!

Так пела поначалу только одна Олимпиада, а потом ей стали подпевать и все остальные ребята. Песня повторялась много раз, и все ее запомнили.

Шел день за днем, но вот однажды к плотине примчался запыхавшийся от жары и пахнущий кухней повар дядя Софа:

— А я вас всюду ищу. Кузю с Бибой срочно к Вас-Симу...

— Только их? — удивилась Олимпиада. — А мы как же?

— Вы никак, — подтвердил дядя Софа. — Вас-Сим так и сказал: «Никого нет. Беги, Софа, туда, где гуляют октябрята, и достать мне их, срочно!..» То есть Кузю с Бибой. Или Бибу с Кузей. Там, как я понял, какая-то непонятная телеграмма на их имя. Так что давайте, ребятки. Кому пирожки печь, тому и отвечать!

— Чего это ты все про пирожки? — растерянно спросила Олимпиада. — Можно подумать, что ты нас одними пирожками кормишь!

— В том-то и дело, что терпеть не могу этих пирожков. И не умею их печь! В «Метрополе» у нас как было? Разделение труда: один повар по супам, другой по бифштексам, а по пирожкам это

уж особая статья! — признался дядя Софа. — А тут как заставят, приходится. Вот и отвечай потом. Все ругают, а я что могу поделать, раз не умею. Говорил же им...

— Ну, ладно, ладно с твоими пирожками, — сказала Олимпиада.

Они посмотрели на Бибу, потом на Кузю, опять на Бибу и опять на Кузю.

— А как же вы, миленькие?

— А мы что? Мы — ничего! — сказал Биба.

— Мы пойдем! — решительно сказал Кузя. — Раз зовут, надо идти!

И они пошли вместе с дядей Софой, который доставил их прямо к изолятору, а вернее, к кабинету начальника лагеря.

Вас-Сим уже ждал их.

— Вот нашел, — еле выдохнул дядя Софа. — С трудом, но нашел.

— Здравствуйте, — поприветствовал Вас-Сим Кузю и Бибу. — Как живете?

— Жизнь ничего, идет, — сказал Кузя.

Биба оказался более вежливым.

Он ответил Вас-Симу:

— Здравствуйте!

Тогда и Кузя исправился:

— Здравствуйте!

— Я, собственно, почему вас пригласил, — сказал Вас-Сим. — Тут заковыка одна вышла. Может, что-нибудь объясните мне. Читать вы, конечно, умеете?

— Умеем! Умеем! — бодро ответили Кузя и Биба.

— Так вот. — Вас-Сим скрылся в кабинете, через секунду вышел оттуда с бумажкой в руке и протянул ее ребятам: — Почитайте...

Биба первым взял бумажку, как-то так случилось, что он, наверно, первым протянул руку, и Вас-Сим сунул бумажку именно ему, но Кузя моментально исправил положение, отобрал бумажку и стал читать про себя.

А в бумажке было написано следующее: «Министерство связи. Телеграмма. Местная. Куда: Полушное-Колтушное, Березово-Елового района, Средне-Русской области. Пионерское царство. Кому: Кузе и Бибе из Октябратского отряда, для Лесного царя срочно. Дорогой папа. Положение изменилось. Можно ждать днями неожиданных событий. Не полагайся на свою мудрость. Бери в помощь ребят из Пионерского царства. Они не подведут. Крепко целую, твой Царевич».

Кузя еще раз перечитал телеграмму и передал ее Бибе.

— Ничего не понимаю. Какие события? — спросил он.

— И я ничего не понимаю. А какие могут быть события? И что значит «положение изменилось»?

— Вот я и говорю, — сказал Вас-Сим.

— И я, — робко повторил Биба.

— А я думаю, что хотя все непонятно, но это интересно, — сказал Кузя. — И мне, например, одно понятно...

— Что понятно? — спросил Вас-Сим.

— То, что мы не должны никого подвести. Правда, не должны! — еще более уверенно сказал Кузя. — А что?

— Да, пойми ты, дорогой, — воскликнул начальник лагеря, — что все непонятно. Лесные цари, пионерские царства, неожиданные события, царевичи! Я, правда, слышал от Олимпии Ивановны про Лесного царя. Но я думал, что это — сказка, шутка...

— Это совсем не сказка, — пояснил Кузя.

— Это не шутка, он просто хороший дедушка... — добавил Биба.

Вас-Сим спросил:

— Так что вы предлагаете?

— А мы... — начал Биба.

— А мы предлагаем, — продолжил Кузя, — немедленно бежать в лес к Лесному царю и отдать ему эту телеграмму. Можно? Он поймет, раз телеграмма ему.

— Что я тебе говорил! — неожиданно произнес Биба. — Надо срочно советоваться с дедушкой...

— Это не ты мне говорил, а я тебе говорил, — рассердился Кузя.

— Может быть, — неопределенно сказал Вас-Сим. — Кажется, я что-то начинаю понимать...

Сказав это, Вас-Сим задумался: «Странно получается! А мы военную игру на пятницу задумали. На пятницу! А сегодня — только вторник...»

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Поиски Лесного царя. Русак-проводник. Биба завидует Кузе. Встреча с Летчиком.

Если идти быстро, не следить за птицами, не говорить по пути о каждом дереве и о каждой новой кротовой норе, не сбивать шишки с елок и не подтягиваться на ветвях старого дуба, как на турнике, то дойти до Лесного царя — пара пустяков. Правда, по пути немного смущали дрозды. Особенно Кузю смущали, потому что дрозды пели на все голоса да еще крутились над ними, словно желая что-то сообщить.

Кузя понимал, что Биба ничего не понимает, но Биба не мог не заметить дроздов, пролетающих подчас прямо у них над головами, а то и садившихся впереди на тропинке, и потому Биба без конца задавал Кузе вопросы:

— Это — скворец, да?

— Это — соловей, да?

— Это — маленькая сойка, да?

Дрозды в чем-то были похожи на скворцов. Да.

Дрозды иногда издавали трели под соловьев. Да.
Дрозды вели себя порой так, как сойки, которые целовались. Да.

Но при чем тут дрозды?

— Ты про телеграмму забыл? — спрашивал Кузя. — Это же самое важное! И думаешь, что я забыл, что я тебе говорил. Это про мышов, то есть мышей, конечно, про них.

— Я не забыл, — отвечал Биба, чувствуя себя виноватым. — Идем, идем...

И они шли. И правда, очень быстро дошли до Лесного царя. Да и что тут было идти. Сосна — вот она, на месте. Еловый пенек — на месте. Березовый, который особенно любит Лесной царь, — тоже на месте. Сколько там — пять, семь, десять минут прошло, а они уже на месте. И Вас-Сима они не подвели, раз уж он отпустил их.

Но где же он, дедушка, Лесной царь?

— Наверно, не сюда мы пришли, — неопределенно сказал Биба. — Его нет...

— Не морочь голову, — огрызнулся Кузя. Он знал, что память не могла его подвести, они пришли сюда, правильно. Но вот почему нет дедушки? Странно!

Биба жалел Кузю. Слабый всегда жалеет сильного, когда понимает, что сильному плохо.

— А может, он на речку пошел, — вдруг вспомнил Биба. — Если у него сегодня по распорядку дня дежурство на речке, то он сегодня Водяной...

Кузе понравилась мысль Бибы.

— Пошли на речку! — предложил Кузя.

Они спустились в овраг, где речка еще была не речка, а так себе — ручеек, и долго пробирались вдоль ее берегов, но дедушки нигде не обнаружили.

— Может, вернемся? А то Вас-Сим... И Олимпиада... Опять будут нас... — неуверенно предложил Биба.

— Подожди, — сказал Кузя. — Еще минуту. Не спеши...

Не успел Кузя это сказать, не успел Биба вслед за Кузей сделать и шага вдоль речки, как откуда-то из-под ног раздалось:

— А вы не дедушку ищете?

Кузя и Биба посмотрели под ноги, по сторонам, чуть оглянулись.

— Это ты сказал? — спросил Кузя.

— А не ты? — спросил Биба. — Я думал...

— Это я вас спросил, — пояснил рыжевато-серый, чуть облезлый зайчишка, выскочивший из-за поникшей над речкой сло-

манной ольхи: — Я видел вас у дедушки. Вы из Пионерского царства. Да? Я знаю вас! А меня зовут Русак, может, слышали?

— Нет, — протянул Биба.

— Подожди ты! А я слышал, — сказал Кузя. — Я даже видел тебя, Русак. Здравствуй!

— Здравствуйте, — произнес Русак. — Так если вы дедушку ищете, то его не тут надо искать, а на большой речке, у моста, у поселка. Он купаться туда пошел и заодно за кефиром. Вы же знаете, как он любит кефир!

— Не слышал, — сказал Биба.

— Опять ты! Ну, что мне с тобой делать! — возмутился Кузя. — А я слышал. И не только слышал. Вспомни, когда мы познакомились и дедушке бороду чистили, так у него борода пахла кефиром, как в детском саду.

Биба промолчал. Вот всегда у него так получается! Не хочется высказывать вперед, а высказывает, и потом сам мучается, потому что попадает впросак.

— Нам, понимаешь ли, дорогой Русак, — сказал Кузя, — дедушка не как-нибудь нужен, а очень нужен, и по важному делу. — Телеграмма здесь ему пришла, срочная, из города...

— Я, конечно, могу вас проводить, — предложил Русак, — но не до поселка, а только до шоссе. Там, понимаете ли, машины и люди, а у меня сейчас... — Русак застеснялся и, кажется, даже чуть покраснел, если зайцы вообще умеют краснеть: — У меня дети! Два мальчика и две девочки! Это так хорошо, что я никак не могу рисковать своей жизнью зря...

Кузя готов был обнять Русака.

Биба нагнулся и обнял его, несмотря на то что Русак перепугался.

— Проводи нас до шоссе, — попросил Кузя.

— Пожалуйста, — неожиданно став вежливым, добавил Биба.

— Я и дорогу там вам покажу, — пообещал Русак. — Там очень просто, совсем просто...

— Проводи!

— Пожалуйста!

Они вышли к шоссе слева от школы-интерната и справа от автобусной остановки. По шоссе гремели машины в обе стороны, у школы галдели ребята, сажавшие сад и убиравшие мусор; лаяли собаки, бегавшие за каждым прохожим; кудахтали куры в сарае рядом с двухэтажным учительским домом; а у будки автобусной остановки гремела гармошка и кто-то плясал и пел.

— Мне дальше нельзя. Не сердитесь! — сказал Русак. — Да и рядом тут. Налево по шоссе до моста, там «р. Москва» на-

писано, табличка синяя такая, а как мост перешли, направо. Там — пивная палатка, а у нее все и купаются. А я помчался!

Кузя и Биба поблагодарили Русака, а вежливый Кузя даже добавил:

— Передайте, пожалуйста, наш большой октябрятский привет вашим детям — двум мальчикам и двум девочкам!

Биба опять смутился от своей невежливости, но еще больше его смущало другое: не слишком ли долго они ходят?

Но Биба промолчал, а когда Кузя, выйдя на шоссе, бодро сказал «пошли», совсем успокоился.

По шоссе действительно мчались машины влево и вправо, и Кузе с Бибой все время приходилось прижиматься к обочине, чтобы не угодить под колеса.

Машины были разные, и Биба, конечно, отличал кое-какие из них — к примеру, грузовые от легковых, а легковые и грузовые вместе от автобусов или от тех, на которых было написано что-то — «Аммиак», «Мебель», «Хлеб», «Зоотовары» с добавлениями на тему «Осторожно, не обгонишь», «Рядность — твоя задача», «Скорость 45 км. Тише едешь, дальше будешь».

Главное, самое ужасное для Бибы, было в другом. Как и тогда в лесу, Кузя совершенно точно называл каждую машину:

— «Колхиду» видел?

— Это КРАЗ, знаешь?

— Смотри, «Урал-ЗИС»! Старенькая, а бегаёт! Правда?

— «Фиат», но не тот, который у нас «Жигули»! Ты тот видел? Верно?

— Новая «Волга», а по-другому «ГАЗ-24». Понимаешь?

— Автобус лианозовский. Не путай с львовским. Ничего себе!

Все эти «видел», «знаешь», «правда», «верно», «понимаешь», «ничего себе», которые произносил Кузя, били Бибу в самое сердце. Но что поделать, если он не видел, не знал, не понимал, а отсюда ему трудно было говорить, что правда и верно, а что ничего себе, потому что его сведения о машинах были такими же, как и сведения о птицах: машины — это машины, как птицы — это птицы.

— Смотри «р. Москва»! — Биба первым заметил мост и табличку, синюю, как говорил заяц по имени Русак, и обрадовался, что теперь уже они не будут говорить о машинах.

Они прошли мост и свернули направо. Пивная палатка там была, и около нее толпились люди, на берегу реки сидели еще три человека — все с удочками, но дедушки среди них не было.

Кузя и Биба посмотрели на реку, немного прошли вдоль берега и трех скучных рыболовов, у которых ничего не клевало.

— Может, их спросить? — шепнул Биба.

— Спросишь, а потом рыбу их спугнешь! — сказал Кузя. У пивной палатки было куда больше людей, чем у самой реки.

— Пойдем туда, спросим, — предложил Кузя.

Пошли. Спросили.

— Дедушка?

— С бородой такой, да?

— Как снежный человек?

— Почему, снежный?

— Загорал тут, долго загорал!

— Почему только загорал? А сюда еще подходил — кефир спрашивал, но это с полчаса как было...

Они уже собирались отойти от пивной палатки, как Кузя заметил:

— Там еще четвертый появился. Видишь? Четвертый рыбак. Давай на всякий случай и у него спросим...

Кузя и Биба отошли от палатки и вернулись к реке.

Четвертый рыбак не был похож на всех остальных. Вид у него был городской, брюки немятые и рубашка чистая, а китель и фуражка лежали рядом с ним, на травке, аккуратно сложенные, и пиво он не пил, а как пришел на речку, раскрутил удочки и занялся рыбалкой.

Кузя и Биба подошли к нему, замерли рядом.

— Интересуетесь? — спросил их рыбак, хотя они стояли не близко к нему, чтобы не мешать.

— Да, так, — неопределенно сказал Кузя.

— Из детского сада? — спросил рыбак.

— Что вы! Мы из лагеря, пионерского лагеря, — возмутился Кузя.

Биба подтвердил что-то и одновременно спросил:

— А вы?

— Мы? Мы сезонники, — сказал рыбак. — Летчики-сезонники. Слышали о таких?

— Нет, — признался Кузя.

— Не слышали, — подтвердил Биба.

— А что это? — спросил Кузя.

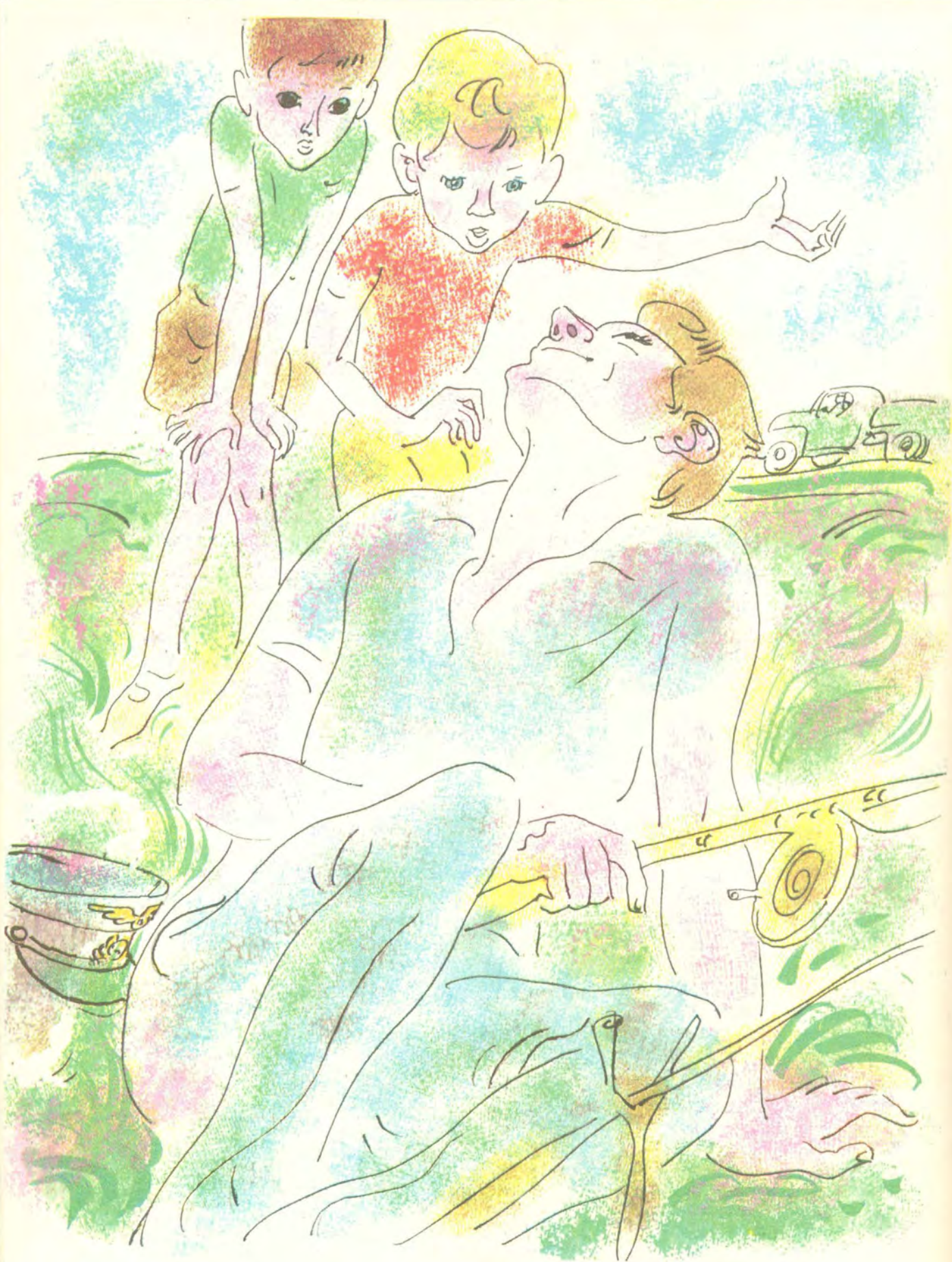
Рыбак вынул удочку, сменил червяка на крючке.

— Да как вам сказать. Опрыляем, орошаем, иногда вам помогаем по части комаров.

— Как это? — удивился Биба.

— Уничтожаем комаров, опрыскиваем их, чтобы в детских садах и пионерских лагерях вашего брата комары не кусали.

— Значит, вы — летчик? — спросил Кузя.

— Летчик, — согласился рыбак.

— А тут? — спросил Биба.

— Тут тоже летчик, но вот три часа отдыха нам дали, так я на рыбалку.

Они еще поговорили о чем-то, пока Летчик без конца вынимал удочку и возился с крючком, выяснили, что рыба ловится плохо и вообще — река должна быть не такой рекой, за настоящей рекой надо следить и рыбу в ней не уничтожать, а рыба любит чистую воду и хорошую реку, и еще о многом.

— А вы? — спросил Летчик.

— Мы дедушку ищем, — сказал Кузя.

— Не видели такого, с большой бородой до земли? — спросил Биба. — Он еще кефир любит.

— Такого не видел, — признался Летчик. — Жаль, но не видел.

Все охотно отвечали на их вопросы, говорили о дедушке и даже сочувствовали им, но когда и куда он ушел, никто точно не знал.

— Пойдем туда, — решительно сказал Кузя.

Они пошли «туда» — сначала на почту, потом в магазин хозяйств, универсам, продовольственный, столовую! Нигде дедушки не было. На всякий случай Кузя спрашивал про кефир, но и его не было. Сказали, что не подвезли.

— Может, домой пойдем? В лагерь? А то... — опять сказал Биба.

— Сейчас пойдем, — устало произнес Кузя.

На мосту их поймала Олимпиада.

— Миленькие! Родненькие! Где же вы! А я!

Кузя и Биба были торжественно доставлены в лагерь. Никакие просьбы и мольбы не помогали.

— Сейчас обед, — говорила Олимпиада.

— После обеда тихий час, — говорила Олимпиада.

— Когда вы отдохнете, у нас будет репетиция к концерту художественной самодеятельности, — говорила Олимпиада.

— После репетиции мы должны собраться и всерьез обдумать, как будем участвовать в общелагерной военной игре. Но это после полдника, — говорила Олимпиада.

— Что делать будем? — шепнул Кузя Бибе.

— Не знаю, — сказал Биба.

— Ведь Вас-Сим и тот... — шепнул Кузя.

— И тот, — согласился Биба.

— Тогда вместо мертвого часа? Согласен? — шепнул Кузя. — В окно и прямо в лес! Дедушка наверняка будет...

— Согласен! — согласился Биба. — А куда ему деваться?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Важные решения Лесного царя. Не менее важное сообщение Русака.

Лесной царь надел очки, прочитал телеграмму и сказал:

— Эх, елки-палки! — и добавил свое любимое: — Что будет, то будет, а чего не будет, того уж никогда не будет. Ну, и глупец! Ну, и старый дурак! Надо ж такое — загораю на речке, живот свой грею, кефир ищу, а вы меня разыскиваете с такой телеграммой. Простите меня, ребятушки...

— А кефир вы нашли? — спросил Кузя, чтобы как-то отвлечь Лесного царя от грустных мыслей.

Честно говоря, ни Кузя, ни Биба не придавали значения важности происходящего. Телеграмма — ну, телеграмма! Мыши — ну, мыши! Олимпиада с ее страхами перед хвостатыми — ну, она женщина! А какая женщина, даже если она твоя мама, чего-то не боится!

— Какой тут кефир! При чем тут, ребятушки, кефир! Ну, нет его и нет, и пропади он пропадом...

— Нам в продовольственном сказали, — объяснил Биба, — что как раз машина с кефиром пропала. Ее на обочину занесло, и она стоит там, и потому кефира в магазине нет...

— Ладно, с этим самым кефиром! — произнес Лесной царь. — Леший с ним!

Он минуту подумал, будто засомневался в чем-то. Почесал бороду. Встал, походил между березовым и еловым пнями. Вновь почесал бороду.

Наконец:

— Ладно, ребятушки! Что будет то будет. Это верно. Но приходится пересматривать свою позицию. Обстановка диктует. Что это в конце концов — что будет, то будет? Мы должны диктовать судьбе, а не судьба нам! Правильно я говорю?

— Правильно, дедушка, — согласился Кузя. — Мы сами уже давно хотели с вами посоветоваться по поводу этих... Мы их видели, и Олимпиада нам говорила, но — мы думали...

— Правильно, — повторил Биба.

— Тогда давайте готовиться! — предложил Лесной царь. — И немедленно!

Кузя и Биба даже не предполагали, что сам Царевич посоветует Лесному царю не быть мудрым, а советоваться с ними. Значит, они тоже в чем-то мудрые. И телеграмму Царевич прислал не

прямо в лес, а им, на их имя в лагерь, а через них уже Лесному царю. И вот он сейчас советуется с ними. Здорово!

— А я что тебе говорил! — сказал Кузя, обращаясь к Бибе.

— Я тоже говорил тебе, — сказал Биба.

— Не надо было ее успокаивать, — сказал Кузя.

— Кого, Олимпиаду? Так ты сам...

— Жду вашего совета! — сказал Лесной царь.

Кузе и Бибе не совсем было ясно, что они могут посоветовать Лесному царю. Как-то так случилось, что прежде им не приходилось сталкиваться с подобными делами.

— Итак, — сказал Лесной царь, — прежде всего надо создать штаб по отражению. Предлагаю Главнокомандующим назначить царицу вашего Книжного царства, поскольку именно на нее направлено нападение. Ваши предложения?

Тут уже не только осторожный Биба, но и Кузя вздрогнул.

— Кого? — спросил он.

— Ну, вашу эту самую... Как ее: с косой до земли, — пояснил Лесной царь.

— Вожатую? — спросил Биба.

И тут они оба, Кузя и Биба, стали говорить наперебой, перебывая и добавляя друг друга:

— Ее ни в коем случае! Она... Что вы! Она тигров боится и тушканчиков! И ящериц! Крокодилов тоже! Думаете, мы не знаем? Она сама нам говорила! А почему? Из-за длинных тонких хвостов! Мышей она, о, как! Потом Вас-Сим... И ночи она не спит из-за мышей! Нет, ее нельзя!

— А вы ей объясняли, помните, я говорил вам, что женщина не должна бояться мышей — этих симпатичных животных ни в погребе, ни на кухне, — сказал Лесной царь. — А ведь это не я придумал. Книжки, мудрые книжки сочиняли наши предки!

— Объясняли, — сказал Кузя. — Но она ничего не поняла. Она еще что-то про войну все думает. И говорит, что мышиный цвет... Так что Олимпиада просто убежит! Поверьте, дедушка!

Лесной царь уцепился за последнюю фразу:

— Убежит, говорите? Так, так. Это тоже неплохо. Тогда предлагаю вашу царицу... Как ее?

— Олимпиада! Или Олимпия Ивановна. А Вас-Сим называет ее — Олишка...

— Так вот, царица Книжного царства Олишка, она же Олимпия Ивановна, она же Олимпиада, пусть будет начальником штаба тылового обеспечения... На случай отступления. Согласны?

— А что, у нас и отступление будет? — Кузя так возмутился, что на щеках его появились красные пятна, а на лбу выступил пот и по спине пробежали мурашки. Правда, сначала от возмущения,

а потом уже по другой причине. Стыдно, что он так выскочил со своими дурацкими возражениям, и против кого? Против самого дедушки, лучшего их друга. Лесного царя! Нехорошо получилось!

— Возможно, и будет, ребятушки, — объяснил Лесной царь. — Во-первых, все надо предвидеть. Ведь история нас учит чему? Не всегда отступление — поражение, и не всегда наступление — победа. Так что, ребятки, все надо взвешивать заранее — и наступление, и отступление. Если отступление случайно, это ужасно. Но если отступление — хитрость, тактический ход, то это — залог победы.

Лесной царь заерзал на своем пне, пригладил бороду:

— Представляете! Мы затягиваем врага на свою территорию, и он и не подозревает, он упоен победой... Тут мы — хлоп по нему!

— Поняли! Конечно! — согласились Кузя и Биба.

— Хорошо, если поняли, — сказал Лесной царь. — Значит, в нашем плане одна должность утверждена. Еще осталось восемь, включая самую главную.

— У меня есть предложение! — выскочил вперед Кузя. — Дядю Софу надо! Он поднимает сразу шестерых октябрят, или четырех пионеров, или трех пионеров и двух октябрят сразу. Значит, он может поднять сразу сто... Нет... — Кузя по ходу разговора пытался подсчитывать. — Тысячу... Нет... Сто тысяч... Да что там! Он миллион мышей сразу может поднять!

— Такой человек, как дядя Софа, пригодится, — согласился Лесной царь. — Тогда я предлагаю дальше работать так. Вы называете всех достойных, потом мы распределяем по должностям, а затем уже формируем...

Они совещались долго. Почему-то те, кто приходит на собрание или на совещание, решает все медленно, даже то, что и так ясно.

И все же их совещание оказалось полезным. Была создана совместная пионерско-лесная армия. Во главе ее будет Главнокомандующий Лесной царь. Комиссаром — Вас-Сим, если он, конечно, согласится. В армию войдут три боевых отряда пионеров, укрепленных жителями Лесного царства. Самый главный отряд — разведывательный. Командир этого отряда — Кузя, комиссар — Биба. Второй по важности отряд — первого отражения. Его командиром станет дядя Софа, который может одновременно поднять тысячи мышей. Комиссаром в нем будет врач-докторша. Третий отряд — второго отражения. Но это — тоже важный отряд. Его возглавят сторож лагеря бывший солдат Кошечкин и председатель соседнего подшефного колхоза, территорию которого загрязняют жители Пионерского царства. Наконец, начальником штаба тылового обеспечения — на случай отступления станет Олимпиада...

Биба пробовал возразить:

— Но если она не умеет наступать, то как она будет отступать?

— Что ты предлагаешь? — спросил Кузя. — Исключить Олимпиаду?

— Я этого не предлагаю, но если...

— Бывают случаи, — вмешался Лесной царь, — что человек, не умеющий наступать, превосходно отступает. И по истории так. Вы согласны?

Кузя и Биба согласились, хотя историю знали не очень хорошо.

— Кроме того, с воздуха нас всегда смогут прикрыть мои пернатые из Четвертого Особого...

— Может, нам этого Летчика попросить? — спросил Кузя. — У нас знакомый есть. Летчик, который опыляет, орошает, а иногда комаров уничтожает...

Кузя и Биба рассказали Лесному царю о встрече с Летчиком.

— Так я его знаю! — воскликнул Лесной царь. — Это сельхозавиация! Он комаров здесь уже два года морит с воздуха...

— А если мышей? Он может? — спросили Кузя и Биба.

— С мышами не справится! — сказал Лесной царь. — С мышами надо на бреющем полете. Какой тут бреющий, когда лес всюду. Так что давайте о главном! Мы обо всем договорились? Все утрясли?

Казалось, все утрясли.

— Да, — вдруг вспомнил Кузя, — а кто будет комиссаром у Олимпиады?

Лесной царь не ожидал такого вопроса.

— А кого вы предлагаете? — спросил он.

— Мы?.. А мы... Мы не знаем...

— Тогда я буду, — решительно сказал Лесной царь. — Тоже по совместительству. В конце концов мне не привыкать! Лесной, Водяной и еще... Согласны?

— Согласны! Еще бы! Вы и есть настоящий комиссар. А то, что вы, дедушка, будете Главнокомандующим и комиссаром сразу — это совсем здорово! — высказались Кузя и Биба.

— Теперь по местам! — предложил Главнокомандующий и комиссар, Лесной царь и Водяной. — Задача ваша такая. Немедленно доложить наш план в Пионерском царстве. Конкретно договориться с Вас-Симом, Олимпиадой, дядей Софой и всеми вожатыми. Сформировать отряды, выставить посты! Прошу приступить к выполнению задания!

— Есть приступить к выполнению задания! Есть приступить! — четко отрапортовали Кузя и Биба.

— А я пока своих соберу, лесных, — сказал Лесной царь. — Они у нас войдут в Четвертый Особый отряд. Правда, там не все ладно. Многие с детьми своими вместе...

Но только сказал, Кузя с Бибой еще и повернуться не успели, как невзначай появился Русак, зайчишка-всезнайка, сел, хвостиком задрожал, поздоровался:

— Здравствуйте! Здравствуйте! Дедушка, здравствуйте! И вы — здравствуйте!

— Здравствуй, здравствуй, — сказал Лесной царь. — Ну, как твои дети — два мальчика и две девочки?

— Живы, здоровы, — бодро ответил Русак, — но я сейчас не о том...

— О чем же?

— А у меня — перехват, — затараторил Русак. — Тайный приказ! Смотрите!

И Русак протянул Лесному царю какую-то желтую бумажку.

— Я прямо оттуда, — добавил он, показав в сторону Старых амбаров за Большой горой.

Лесной царь стал искать очки, но они, как назло, не находились.

— Может, вы прочитаете? — спросил он у Кузи с Бибой. — Умеете читать?

— Конечно! Еще бы!

Кузя с Бибой взяли в руки тонкую желтую бумажку.

— Тут ничего не понять! — сказал Кузя.

— Ничего, — подтвердил Биба.

— А слово «приказ»! — воскликнул Русак.

— Это есть, а больше ничего, — согласился Кузя.

— Ничего, — подтвердил Биба.

— И этого хватит, — сказал Русак.

— Пожалуй, хватит, — согласился Лесной царь. — Мы должны быть во всеоружии!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Подготовка к решающему сражению. Все готовы в бой. Почему взвод ежей Особый.

— Меня лично смущает только одно... — сказала Олимпиада.

— А я, Олишка, никак не могу простить себе, что мы военную игру назначили на пятницу. Вот и приходится перестраиваться, — сказал Вас-Сим. — Прости, Олишка! Я перебил тебя. Так что тебя смущает?!

— Слишком рано придется поднимать моих октябрат, — объяснила Олимпиада. — А они под утро так хорошо спят, и их очень трудно будить.

— Это в конце концов не страшно, — успокоил ее Вас-Сим. — И потом твои ребята, взять хотя бы Кузю с Бибой! Это ж гении, молодцы! Как они все придумали, распределили! Я бы и сам, например, в Главнокомандующие не решился. А тут комиссар — моя стихия. Может быть, в конце концов это не хуже военной игры, которую мы запланировали на пятницу, хотя жаль, конечно... Но уж если начинается такая необычная война, как эта, то Главнокомандующим, конечно, должен быть очень опытный человек, вроде их Лесного и Водяного. В такой войне, как и, впрочем, во всякой войне, важно использовать опыт предыдущих побед и поражений...

— Войны всегда начинаются раньше времени, — сказала не очень искушенная в военном деле Олимпиада. — Хорошо хоть, что мы что-то успели...

Было три часа ночи. Олимпиада и Вас-Сим, конечно, не спали. И поцеловались они после отбоя всего лишь один раз, правда, может, два, но это неважно, а так они занимались только делом.

Вчера они с Кузей и Бибой все подготовили. Создали три боевых отряда: разведывательный, первого отражения и второго отражения. Командиры и руководители штабов получили задания. Дядя Софа задержался на кухне, пришел к самому концу, но все одобрил. Это важно! Как-никак, дядя Софа младший сержант запаса, хотя и не служил никогда в армии.

Главнокомандующего не беспокоили. Так посоветовали Кузя и Биба.

— Пусть дедушка Лесной царь отдыхает. Ему и так рано вставать. А потом это он все знает! Его мысли!

Были, конечно, и некоторые споры. Так поначалу не все и да-

же Вас-Сим в их числе не поняли, зачем нужны отряды первого и второго отражения.

— Кого мы будем отражать? Мы сразу сметем их и пойдем в наступление! — говорил Вас-Сим.

Дядя Софа шел еще дальше:

— Да мы им хвосты закрутим!

— Умоляю, не надо о хвостах! — попросила Олимпиада и тем самым спасла положение, не дала разгореться спорам.

Вас-Сим, хотя и был относительно молод и не успел принять участия хотя бы в одной войне, поддержал Кузю и Бибу. Он и сам не раз думал, изучая историю, что войны бывают разные.

Все сдались.

Общую мысль выразил младший сержант запаса дядя Софа, который сказал, что тактика — это тактика, а ведь кому пирожки печь, тому и отвечать!

— Мы должны согласиться с Кузей и Бибой, — закончил дядя Софа.

Впрочем, на этом все и закончилось. Довод дяди Софы был весьма убедителен.

Сейчас Олимпиада сказала Вас-Симу:

— А из-за этой военной игры ты, пожалуйста, не огорчайся! В конце концов мы перестроились, правда? И все идет хорошо. Давай лучше подумаем, как будить ребят. И потом, знаешь, меня все же несколько смущает еще одно...

— Что? — спросил Вас-Сим.

— Не что, а кто?

— Кто?

— Тот, что царь, Лесной, Водяной и наш Главнокомандующий. Во-первых, мы его в глаза не видели. Во-вторых, а что, если он не придет? Ты, понимаешь, что может быть? Они уже наступают, а мы не знаем, что делать. У нас нет главного. Ты представь себе: вот мы приехали с лагерем и я приехала, а тебя нет?

— Я люблю тебя, Олишка! Ты — чудо! — воскликнул Вас-Сим. — Дай я тебя поцелую!

— Мы уже. Пока хватит, — Олимпиада решительно отстранила его. — Потом. Сейчас даже как-то неудобно, когда нас всех ждет такое испытание с этими...

Олимпиада не договорила. Она терпеть не могла всех их, которые с хвостами.

Вас-Сим успокоился и сам предложил:

— Да, надо подумать, как их будить.

Он взглянул на часы:

— Без четверти четыре. Через пятнадцать минут, пожалуй, пора приступать.

Но тут как раз в дверь кабинета начальника лагеря раздался стук. Настойчивый и даже, не по-ночному громкий.

— Можно?

— К вам можно?

— А-а?

Вас-Сим распахнул дверь. На пороге стояли Кузя и Биба.

— А мы...

— А мы к вам...

— Вы не спите? — удивилась Олимпиада. — Мы только что собирались вас будить.

— Да, что вы! Никто и не спал! — Кузя откровенно рассмеялся. — Мы вас ищем. Дедушка наш, Лесной царь, давно здесь и устраивает смотр войскам. А вас, как начальника штаба тылового обеспечения, нет. Он всюду ищет вас, и мы ищем...

— Миленькие мои, простите, — попросила Олимпиада.

— Мы не знали, — сказал Вас-Сим. — И потом всюду так тихо. Мы думали, что вы еще спите.

— А мы давным-давно встали, и все тихо. Так и должно быть! На войне как на войне! Помните, фильм такой! — объяснил Кузя.

— Тишина — друг солдата, — добавил Биба. — Это тоже из кино, но я не помню его названия.

— И жители Лесного царства в полной боевой готовности на опушке, — сказал Кузя.

— Какие жители на опушке? — не понял Вас-Сим.

— Как — какие? Лоси, барсуки, зайцы, даже птицы. Плюс Особый взвод ежей. Все готовы идти в бой! Лесной царь приказал им не шуметь, и они не шумят...

— Про них я забыла, — призналась Олимпиада.

— Мы вчера говорили об этом, — напомнил Вас-Сим.

— А люди как? — спросил он. — Оружие?

— Все отряды построены в полной тишине, — доложил Кузя. — И дедушка наш обходит их в полной тишине и все указания дает шепотом. Все идет нормально! Оружие готово!

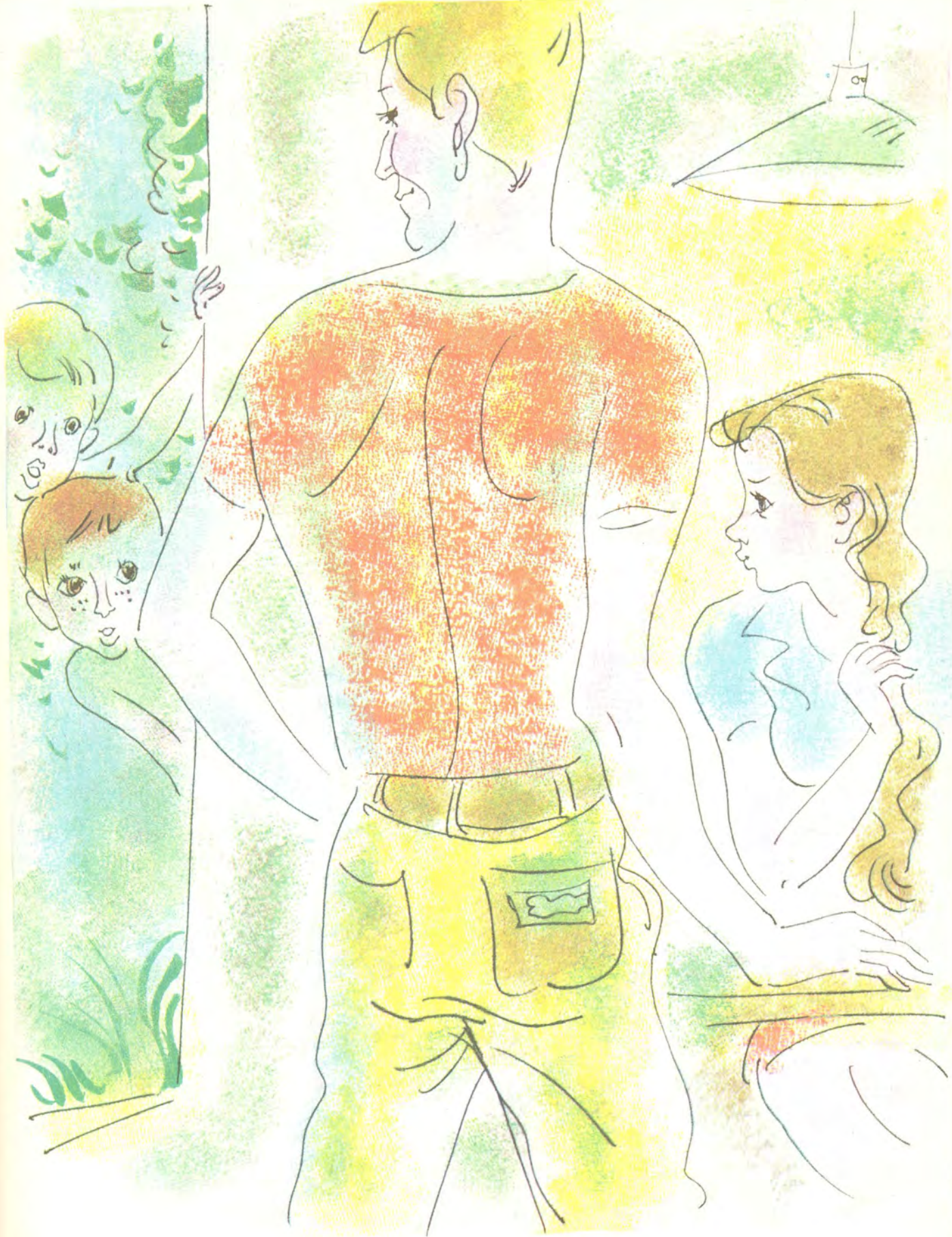
— По плану! — добавил Биба.

— Ну, что ж! — сказал Вас-Сим. — Все ясно!

— Мне одно не очень ясно, — поинтересовалась Олимпиада. — Кузя сказал «плюс взвод ежей». А что будет делать этот взвод? Почему он тоже Особый?

— Конечно, и очень даже Особый, — пояснил Кузя. — Как бы вам это объяснить... — Он подумал, боясь обидеть Олимпиаду. — Понимаете ли, есть люди, которые не любят мышей? А ежи как раз наоборот. Они их очень, очень любят!

— Ах да, я вспомнила! — сказала Олимпиада. — Мы это еще

в школе проходили по зоологии. Пожалуй, правильно вы придумали!..

На улице чуть светало. В соседней деревне нехотя, словно спросонья пели петухи. И устало лаяли собаки. И еще тархтел трактор. Начинался новый день.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Первый разведывательный октябрятский отряд. Что услышала Олимпиада в Книжном царстве и что обнаружил дядя Софа. Опять — огорчения Олимпиады.

— Ты готов? — спросил Кузя.

— Так точно! — ответил Биба.

— И вы все готовы? — спросил Кузя у остальных ребят. — Оружие в полном порядке?

— Гот-т-товы! Пор-р-рядке! — дружно ответил отряд.

Про оружие он так спросил, для соблюдения формы. Оружие проверили еще вчера — пластмассовые автоматы, разных калибров и достоинств пистолеты, в том числе и с пистонами, покупные и самодельные шашки, трещотки, булавы.

— Тогда вперед, — скомандовал Кузя и добавил: — Но тихо! Чтоб ни одна мышь...

Олимпиада почему-то всплеснула руками, выхватила из-за спины свою косу и стала дергать ее так, будто она разговаривает с Вас-Симом.

— Не волнуйся, — сказал Вас-Сим, который стоял рядом: — Мы с Лес-Водычем их проводим.

Лес-Водычем он стал называть Лесного царя совсем недавно — минут пятнадцать-двадцать назад. До этого начальник лагеря все ломал голову, как ему быть в обращении с этим пожилым и, судя по всему, очень уважаемым человеком. Называть его Лесным царем как-то странно для начальника пионерского лагеря, кроме того, Лесной царь еще и Водяной по совместительству. Мало ли кто и что подумает: скажут еще, что веришь во всякую сказочную чертовщину! Дедушка? Но это хорошо для Кузи и Бибы, и для других ребят, а он в конце концов начальник. Товарищ Главнокомандующий? Слишком официально, хотя он и комиссар при

нем. Решение пришло, как всегда, неожиданно. Начальник лагеря вспомнил, что ребята втайне называют его самого Вас-Симом, и на ум сразу же пришло это.

— Так как, товарищ Лес-Водыч, вперед? — спросил он у Лесного царя.

— Несомненно, — согласился Лесной царь. — Я думаю так: сначала мы провожаем Первый разведывательный октябрятский отряд до места его расположения, потом возвращаемся и занимаемся уже всем остальным. У вас нет возражений?

— Никак нет! — отрапортовал Вас-Сим и сам смутился.

Олишка стояла рядом.

Но Олимпиада, кажется, не поняла его смущения.

— Но, учтите, товарищи, — сказала она. — Конечно, хорошо, что вы проводите моих октябрят — туда... Я все же прошу и даже настаиваю, чтобы вы потом вернули их назад — сюда.

— Несомненно, — согласился Лесной царь.

— Обязательно, — подтвердил Вас-Сим.

Они ушли. Остальные отряды пока остались. Уныло бродил среди ребят и немногих взрослых дядя Софа.

— Я-то думал, что буду первым. Я-то думал... Кому пирожки печь... — бубнил он себе под нос.

Олимпиада столкнулась нос с носом с дядей Софой, удивилась, сказала:

— Меня лично смущает только одно, Софа! Что первыми пошли самые маленькие ребята и именно из моего отряда. А я не с ними...

— Но вы же мышей боитесь! — сказал дядя Софа и чуть не хихикнул.

— Да, боюсь, — призналась Олимпиада, — и что из этого. Но я еще больше боюсь за своих малышей. Правильно ли, что такие маленькие — и в разведку?

Дядя Софа вспомнил, что он младший сержант запаса:

— В разведке маленьким легче, чем большим. Например, мне в разведку никак нельзя...

— При чем здесь вы? — воскликнула Олимпиада. — Тысячу раз сказала вам: они же маленькие...

Дядя Софа, кажется, возмутился:

— Зачем вы так со мной, Олимпиада Ивановна?

— Не Олимпиада, а Олимпия Ивановна, — возразила Олимпиада.

— Олимпи... Олимпи... Ивановна! Простите! Я ж хочу, как лучше! Тем более что сейчас такая обстановка, а у меня Второй отряд первого отражения, — начал извиняться дядя Софа. — А кому пирожки печь, тому и отвечать!

Олимпиада, кажется, не слышала его последних слов. Она к чему-то прислушивалась. Дергала косу, еще раз дергала, наконец, так дернула, что дядя Софа ничего не мог понять.

— Вы слышите? — вдруг произнесла Олимпиада.

Дядя Софа не понял, что это относится к нему.

— Софа! — сказала она еще громче.

— Я дядя Софа! — по-военному ответил дядя Софа.

— Вы слышите, что творится там, у моего Книжного царства? — пояснила Олимпиада.

— Не слышу, — признался дядя Софа.

— За мной! — приказала Олимпиада. — Они уже там! Там они! Быстро!

Они бросились в Книжное царство.

— Слышите? Слышите? — на ходу спрашивала Олимпиада.

Сейчас, кажется, и дядя Софа что-то слышал. Шуршало или не шуршало, но что-то было, а что — трудно понять.

— Слышу, — шепнул дядя Софа, когда уже ничего не шуршало.

Олимпиада и дядя Софа обошли беседку Книжного царства, заглянули в само царство — ничего. Олимпиада пощупала книги. Дядя Софа не решился на это, поскольку не знал, как обращаться с ними в данных особых условиях.

— Тихо, — сказала Олимпиада. — Может, показалось?

Но только она это сказала, как дядя Софа опять услышал на улице шуршание и бросился туда, сказав на ходу:

— Я сейчас!

Олимпиада вышла за ним.

А дядя Софа ползал на коленях в кустах, потом по траве и, наконец, вытащил кого-то из-под самого крыльца беседки:

— Ох, черт, колется! Удрал из Особого взвода! Как тебе не стыдно! Твои товарищи, можно сказать, стоят насмерть, а ты!

— Кто это? — крикнула Олимпиада в темноту.

— Да еж, — объяснил дядя Софа. — Я вот ему объясняю, что нельзя так. Чего ему бояться! Понимаю, на пирожки бросили! Страшно! А тут на мышей. Не объяснили им небось, что к чему, вот и...

Дядя Софа и Олимпиада вернулись назад.

К пяти часам утра все остальные отряды выступили за пределы лагеря. Второй отряд первого отражения — к плотине. Третий отряд второго отражения — к реке. Когда Второй отряд проходил мимо прошлогодней копны соломы, дядя Софа, командир его, выпустил из рук ежа:

— Смотри, чтоб не валять дурака! Чтоб вместе с товарищами!

У копны соломы размещался Особый взвод ежей, выдвинутый вперед из своего Особого четвертого отряда.

В лагере остался штаб тылового обеспечения.

А по соседству на опушке — Особый лесной четвертый отряд под командованием Лося.

Как ни старался Лесной царь, но, увы, его подчиненные проявили характер и своеволие.

Началось с самого Лося, который был назначен командиром Особого лесного четвертого.

Мало того, что Лось включил в число бойцов отряда свою жену Лосиху, он сделал бойцом и своего сына, только что родившегося сына.

— Дети не должны отставать от взрослых, — объяснял Лось, — а особенно сейчас.

— Но ведь он маленький, — пытался возразить ему Лесной царь. — И потом мы все равно сильнее этих самых, как их, мышей... Мы и без вашего маленького сына...

— Для вас, дедушка, может быть, он и маленький, — пояснил Лось. — Вы люди, и вам это простительно. Но для нас с Лосихой он уже большой и твердо стоит на ногах.

Барсук тоже привел Барсучиху и детей. Русак — свою Русачиху и совсем юных двух мальчиков и двух девочек.

— Они уже во всю бегают и, если надо, здорово барабанят передними лапами, — объяснил Русак.

Птицы, все, кроме кукушек, собрались в отряд полными семействами: зеленушки и дрозды, поползни и трясогузки, скворцы и галки, малиновки и синицы...

— Мы с женами и детьми! Мы все вместе! — галдели они. — Мы не можем иначе, дедушка! Вы же сами говорили... Так мы!.. Вы же говорили?

— Я говорил, — признавался Лесной царь. — Пусть будет, как вы хотите!

Олимпиаде было грустно и чуть-чуть скучно. Нет ее октябрат, но что поделать. Нет Вас-Сима, но что поделать. Плохо, что нет даже Главнокомандующего, Лесного царя, Водяного, дедушки, Лес-Водыча, как называет его Вас-Сим. Он ушел вместе с Вас-Симом провожать Второй и Третий отряды.

А ведь Лесной царь по совместительству и ее комиссар. Уж лучше бы он был просто ее комиссаром! Комиссар мог бы ее вдохновить, воодушевить сейчас! Комиссары всегда и во все времена именно так и поступали.

А она осталась одна. Не считая, конечно, лосей, барсуков, зайцев и птиц, которым строго-настрого предложили вести себя тихо.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Кузя, Биба, их отряд и комары, которые всем мешают. Маленький бугорок, который звался Большой горой, и наступление противника. Умница Биба.

Река и плотина с искусственным прудом остались далеко позади и чуть левее.

Позади остался и лагерь. Позади и чуть левее — колхоз. Председатель его стал комиссаром в отряде Второго отделения под началом бывшего солдата, а ныне сторожа Кошечкина.

Впереди за маленьким бугорком находились Старые амбары.

Там был противник. Оттуда его ждали. Сейчас, когда совсем рассвело, Старые амбары были достаточно хорошо видны.

— Амбары видите? Вот те Старые? — спросили у Кузи и Бибы Лесной царь и его комиссар Вас-Сим.

— Видим! Ясно видим! — доложили Кузя и Биба.

— Хорошо!

— Но мы не видим другого! Большой горы не видим! Ведь Старые амбары должны быть за Большой горой! — сказали Кузя и Биба.

— А вот этот маленький бугорок рядом с рощицей видите? — спросил Лесной царь.

— Видим! Еще бы!

— Так вот этот маленький бугорок и есть Большая гора, — объяснил Лесной царь. В конце концов для маленьких мышей, может, это и так.

— Все ясно! — доложил Кузя.

— Так точно! — поддержал его Биба.

— Вы уходите! За нас не беспокойтесь! Идите! Мы все знаем! — вразнобой высказались рядовые бойцы октябрятского разведывательного отряда.

— Тогда, пожалуй, и верно, товарищ Лес-Вод! — сказал Вас-Сим.

— Значит, в случае чего — главный сигнал! — напомнил Лесной царь. — Двойной свист! Не забыли?

— Никак нет!

— А свистеть вы тоже, оказывается, умеете? — спросил Вас-Сим.

— Кузя умеет хорошо, — сказал Биба, — а я пока только учусь. Хотите покажу? — И он вставил два пальца в рот...

— Не надо! Ни в коем случае не надо! — прошептал Вас-Сим. — Иначе нас могут понять неправильно и свои, и враги.

— Они прилично свистят, особенно Кузя, — сказал Лесной царь. — Я проверял. Но и у Бибы получается. Научится, обязательно научится.

Лесной царь и Вас-Сим дали последние указания и пошли назад, чтобы расположить Второй и Третий отряды, а потом занять место на наблюдательном пункте. Наблюдательный пункт был выбран удачно. И от лагеря рядом, и от штаба тылового обеспечения, что было особенно важно для Вас-Сима, и, главное, оттуда была отличная видимость на все отряды и даже на Старые амбары.

Разведка, как ей и положено, осталась одна. Впереди — враг, но его пока нет. Позади свои, но их, увы, не видно.

«Ничего, справимся», — решил про себя Кузя.

Появились комары. Они пищали, взвизгивали и отчаянно пикировали на лицо и даже сквозь одежду впивались в тело.

— Что это они? — удивился Кузя. — Делать им нечего!

Биба не решился вступать в пререкания с командиром, но заметил:

— Комары кровью питаются. Что же им делать?

— Ты прямо специалист по крови, — сказал Кузя. — В автобусе про клопов рассказывал, а сейчас про комаров. А Летчик что нам говорил?

— А что? — переспросил Биба.

— Что они их с воздуха опрыскивают и уничтожают, — напомнил Кузя. — Так почему эти еще живы?

— Значит, их не добились, — неопределенно пояснил Биба.

Кузя минуту подумал. Командир всегда имеет право подумать, а подчиненные его должны в это время ждать, что придумает командир.

— Ты, Биба, лучше работай в окопах, — посоветовал Кузя. — Пойди, поговори с людьми, объясни им задачу и ситуацию. Это... И потом им, по-моему, холодно...

— Иду, — моментально согласился Биба и бросился по окопу влево.

Кузе самому было не жарко.

Окопы октябрятский отряд не рыл. Конечно, можно было и вырыть, но в данной конкретной обстановке этого не потребовалось. Были старые окопы с минувшей, настоящей войны.

Если говорить откровенно, то Кузя и Биба жалели об этом. Ну, в самом деле, какая война без рытья окопов!

Но что поделаешь!

Биба пошел по окопам поддерживать бойцов, которым действительно было несколько холоднее, чем обычно в это время, когда они лежали под теплыми одеялами и спали.

А Кузя внимательно смотрел в бинокль. Странно, но никакого шевеления и возни в Старых амбарах не было. И ближе не было. Тихо. Так тихо, что очень хотелось спать. Забраться бы сейчас под одеяло и...

Пять часов или шесть? Позади, в колхозе, уже всерьез, а не спросонья, кричали петухи. Собаки вообще лаяли взахлеб, потому что хотели есть, а у хозяев пока руки до них не доходили. Сначала — корова, коза, гуси, куры, а собаки — уже потом. Так было и так будет всегда, но собаки никак не желали считаться с этим. Несправедливо! И светло было, как днем, только чуть мутнее — туман поднимался над травами и путался в стволах рощицы с маленьким бугорком, который называли Большой горой.

Как раз в эту минуту примчался Биба. Откуда-то из глубины окопа выскочил прямо на Кузю.

— Ты слышал?

— Что? Где?

— Да там, в траве! — Биба повернулся к окопу и крикнул: — Внимание! Подготовить оружие!

Биба был на седьмом небе от счастья. Конечно, Кузя — это Кузя, и он все знает, но вот сейчас оказалось, что и Биба — не такой уж дурак!

И Кузя понял это. Раз не отменил его команду, то понял.

Чтобы укрепить свое превосходство, Биба повторил:

— Ты слышишь? Это ж так здорово слышно. И без бинокля...

В душе Биба, конечно, завидовал Кузе: у Кузи есть бинокль, а у него нет...

— Не слышу, а что там слышно? — опуская бинокль, еще раз спросил Кузя.

— Да ты не смотри в бинокль! — посоветовал Биба. — Бинокль слишком далеко видит. Ты слушай! Они шуршат хвостами и даже усами по траве! Я слышу!

Без бинокля и Кузя услышал. Шелест травы за маленьким бугорком, что звался Большой горой, шелест, как при ветре, хотя никакого ветра не было. И еще — тихий, усиливающийся шум многих голосов, похожих и на писканье, и на свинячье хрюканье, и на многотысячное дыхание.

— Они! — сказал Кузя.

— Свисти! — сказал Биба. — Громче свисти, чтобы дедушка услышал!

Кузя сунул два пальца в рот. И Биба сунул два пальца в рот. Свистнули оба. И эхо разнесло этот свист вперед и назад, влево и вправо, по всему Пионерскому царству и по всем владениям подшефного колхоза.

И тут уже трудно было понять, кто лучше свистнул. Кузя, как всегда, свистнул хорошо. Но и Биба на этот раз свистнул так, что сам вздрогнул от своего свиста. Значит, когда надо, и у неумелого получается.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Мостик через плотину. Чего не поняли дядя Софа и Кошечкин. Почему Лесному царю пришлось успокаивать бойцов Четвертого Особого отряда.

Сигнал, кажется, услышали все.

Но первым примчался к Лесному царю и Вас-Симу дядя Софа. Как всегда, запыхавшийся, красный от возбуждения, он попросил:

— Разрешите выступить на помощь Первому разведывательному отряду Кузи и Бибы? Мы — готовы в бой!

— Мы готовы в бой с армией любой. Это из хорошей старой песни, но... Сейчас ни в коем случае! — начальственным тоном Главнокомандующего сказал Лесной царь. — Вы что?

— А я что? Никак нет! — стушевался дядя Софа. — Я просто думал...

— Занимать оборону там, где занимаете! — приказал Вас-Сим. — И следить только за мостиком через плотину! Поняли?

Маленькая, узенькая перемычка между рекой и искусственным прудом проходила по плотине. Ничего особенного в ней не было. Дорожка, посыпанная песком, а по краям — перила. Мостик и мостик!

— А что этот мостик важен стратегически? — доверительно, как бы все понимая, спросил дядя Софа.

— Сейчас все внимание именно на этот мостик, — пояснил Лесной царь. — Он важнее важного...

Дядя Софа убежал со словами «Разрешите выполнять»? и «Кому печь пирожки, тому и отвечать», а на смену ему уже прибежал сторож Кошечкин — командир Третьего отряда второго отражения:

— Мне так мыслится, что нам к октябрятам в самый раз подаваться!

— Дорогой! — уже совсем не начальственным тоном сказал

Лесной царь и нежно обнял Кошечкина. — Скажите-ка лучше, что у вас впереди?

— Как — что? Река! — доложил Кошечкин.

— Хорошо. А правее?

— Плотина и пруд.

— А на плотине?

Кошечкин смутился:

— Никак не могу знать!

— А на плотине у вас, дорогой, — пояснил Лесной царь, — мостик. С перилами. Небольшой мостик, но очень важный мостик. Ваша задача вместе со Вторым отрядом первого отражения — река, пруд, плотина и этот мостик. Понятно?

— Так точно! — сказал Кошечкин. — Значит, уходить не надо? Понятно. Мне и председатель колхозный — комиссар так сказал, но я подумал: а вдруг?

Он ушел.

Но тут прибежала Олимпиада:

— Слышали?

— Слышали.

— Это ведь мои? Да? Они?

— Они.

— Так, может, мне к ним? — обратилась она прямо к Лесному царю, который был ее помощником по штабу тылового обеспечения. — В конце концов они — мой отряд!

— Олишка! — не сдержался Вас-Сим.

— Не надо! Пока не надо, милая моя царица Книжного царства! — попросил Лесной царь.

— Есть! — отрапортовала Олимпиада. — Что поделаешь, раз не надо!

Она тоже ушла.

— А это еще что? — спросил Вас-Сим, услышав где-то рядом по соседству дикий топот, ржанье, писканье и вообще страшный зверино-птичий шум.

— Это мои, я сейчас, — пообещал Лесной царь и бросился через кусты в сторону Четвертого особого отряда.

Вскоре шум стих. Главнокомандующий с несколько виноватым видом вернулся на наблюдательный пункт:

— Эх, елки-палки! Никак всего не предвидишь!

— А что, товарищ Лес-Вод? — спросил Вас-Сим.

— Они тоже, конечно, услышали сигнал, но шум не поэтому. Зайчишка там прибежал, мой старый знакомый Русак, и говорит, что ежи в соломе спят, как ни в чем не бывало. Всем Особым взводом! И сигнала не слышали! Ну, Русак их, конечно, разбудил! Вот мои лесные и возмущаются. Успокоил их. Что делать...

И опять вокруг наступила тишина. После сигнала разведчиков все замерло. Отряд их, который отлично просматривался с наблюдательного пункта, замер. Ни выстрелов, ни единого движения в окопах.

— Что бы это могло значить?

Вас-Сима всюду жрали комары. Он только успевал отмахиваться, а то откровенно бил себя по лбу, ушам и щекам, забрасывал руки назад к шее или, наоборот, сгибался в три погибели к ногам: комары и сквозь носки кусали.

Лесной царь несколько раз подозрительно посмотрел на своего комиссара, но Вас-Сим делал вид, что ничего не происходит. Ему было завидно глядеть на Главнокомандующего. То ли бороды спасала Лесного царя, то ли привычка, но комары его почему-то не кусали. А может, они знали его? Ну, раз он — Лесной и Водяной, то комары ему как бы подчинены и вот считаются с начальством, не трогают.

Тихо. Если б не комары, совсем тихо.

Вдруг откуда-то сверху робко, писклявым голосом прозвучало:

— Разрешите доложить?

Лесной царь и Вас-Сим подняли головы.

На ветке березы сидела крошечная серенькая синичка и в беспокойстве хлопала крыльями:

— Я... Понимаете ли, я...

— Докладывайте! — разрешил Лесной царь.

— Я по поручению командира Четвертого Особого лесного отряда вела индивидуальную разведку. Я только оттуда. Они уже идут! По траве, под травой идут. Их — тысячи.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Хитрый план, родившийся сразу у всех. Олимпиада нарушает воинский устав.

Сначала мыши шли плотным клином прямо на отряд Кузи и Бибы, но потом вдруг разделились на две вытянутые, бесконечно длинные колонны. Одна двинулась влево от маленького бугорка, что зовется Большой горой, и направилась в сторону пло-

тины. Вторая — перестроившись, как в мультфильме, продолжала идти прямо на них.

— Пора? Начнем? Пора? — зашептали окопы.

— Начнем? — спросил Биба.

Кузя обдумывал ситуацию, воевал с комарами и без конца повторял:

— Подождите! Не надо спешить! Подождите!

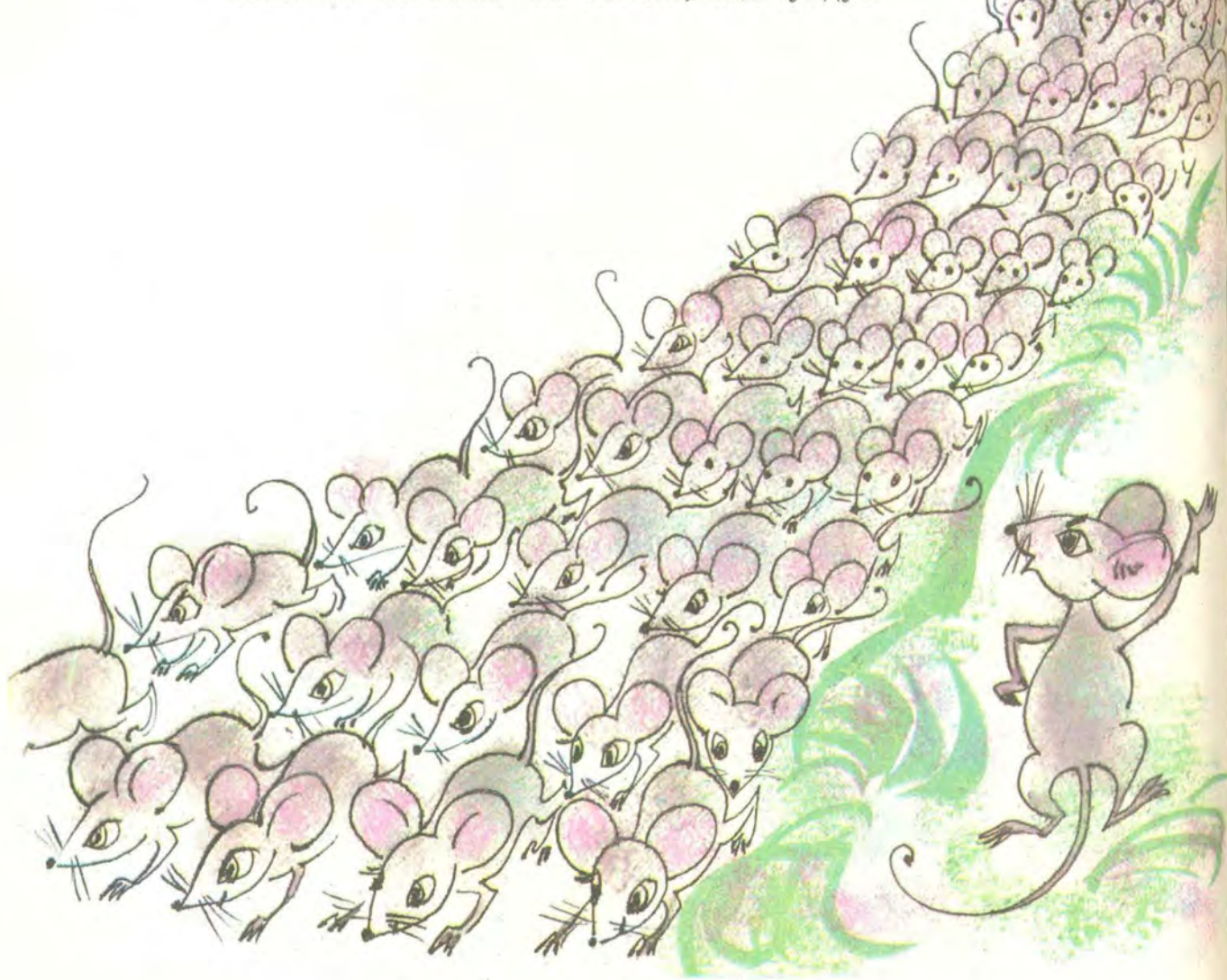
— Я, кажется, догадываюсь, что ты задумал, — сказал Биба.

— Что?

Честно говоря, он и сам не знал «что», но чувствовал одно: торопиться не надо.

В голове у Бибы тоже крутился какой-то замысел, но Биба никак не мог зацепиться за него, и вот...

— Если мы погоним их сейчас, они уйдут.

И тогда у нас не будет никакой победы, а у них — никакого поражения. Верно? А ты хочешь пропустить их на нашу территорию, да так, чтобы они не заметили нас. Верно? Тогда на них ударят с фронта все наши, кто позади нас, а мы ударим с тыла. Верно?

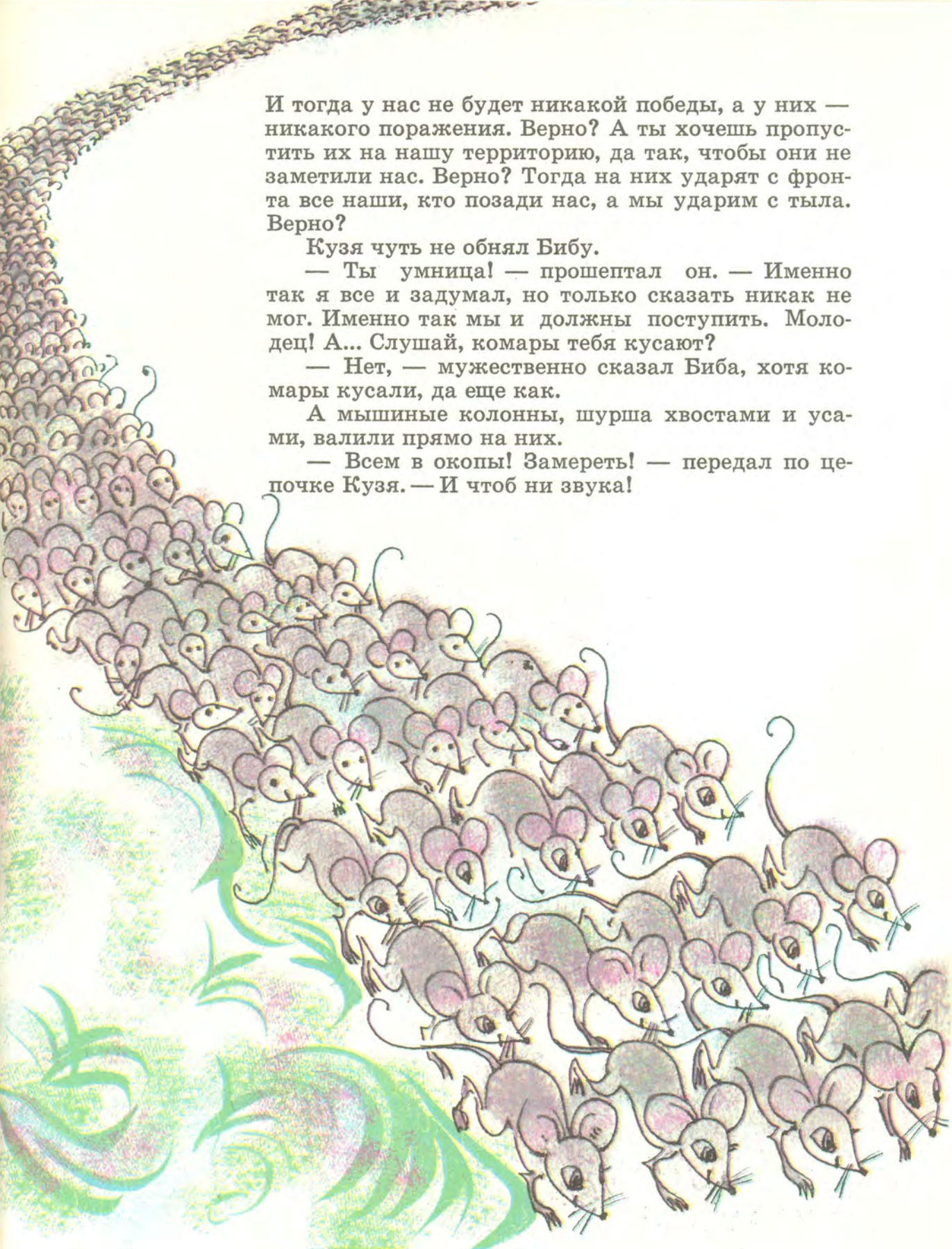
Кузя чуть не обнял Бибу.

— Ты умница! — прошептал он. — Именно так я все и задумал, но только сказать никак не мог. Именно так мы и должны поступить. Молодец! А... Слушай, комары тебя кусают?

— Нет, — мужественно сказал Биба, хотя комары кусали, да еще как.

А мышиные колонны, шурша хвостами и усами, валили прямо на них.

— Всем в окопы! Замереть! — передал по цепочке Кузя. — И чтоб ни звука!

Отряд замер.

Серая мышинная масса, строго ровняя ряды и колонны, поднималась из низины все выше и выше и двигалась чуть левее окопов Первого разведывательного отряда.

«Хорошо», — про себя подумал Кузя.

«Хорошо, что они не полезли сюда», — про себя подумал Биба.

Кузя не согласовывал своих действий с командирами Второго отряда первого отражения и Третьего отряда второго отражения — дядей Софой и сторожем Кошечкиным, хотя, может быть, и надо было согласовать их. Военная наука — точная наука, и в ней должно быть все предусмотрено!

Но, видно, и в военной науке случаются чудеса.

Когда огромный мышинный отряд обошел искусственный пруд и двинулся вдоль реки, сторож Кошечкин дал по цепочке команду:

— Не стрелять! И тихо! И чтоб все до единого прошли беспрепятственно.

Вот серый отряд миновал берег реки и двинулся к плотине, дядя Софа прошептал, да так, что сам испугался своего голоса:

— Ти-и-х-хо! Ни зв-в-ву-к-ка! Пусть идут!

Разница состояла лишь в том, что если председатель колхоза — комиссар сразу же оценил боевой тактический замысел командира Кошечкина, то врача — комиссар дяди Софы ничего не поняла.

— Зачем вы это делаете? — сказала она. — Вы знаете, что каждая мышь распространитель инфекции, а здесь их — сотни, тысячи!

— С-с-слушай-т-те! — прошипел дядя Софа. — Я... Вы... Я, хотя... Но вы! Хотя вы и врач, вы должны понимать законы военного искусства. Здесь — гениальный план родился, а вы что? Инфекция? Очень прошу...

— Да нет, я в общем-то ничего такого не сказала. Я понимаю, что у вас, конечно, есть военный опыт, а у меня... — сказала врач-докторша — комиссар.

— А я, в общем... Я, в общем, тоже отвечаю за свои решения, — уже мягче произнес дядя Софа. — Не сердитесь! Кому пирожки печь, тому и отвечать. А в данном конкретном случае...

Но все это были частности, детали, как случайная тройка в дневнике отличника, как насморк, не связанный с вирусным гриппом, пришедшим из Гонконга, как единственный мяч, случайно забитый когда-то воронежским «Трудом» в ворота москов-

ского «Спартака». Частности важны в истории, но они никогда не делают истории.

И все-таки частности, случайные, необдуманые поступки, увы, как-то влияют на ход событий.

Олимпиада, утвержденная всеми на пост начальника штаба тылового обеспечения, мужественно продолжала охранять Книжное царство. Но от кого? Мышей явно не было сегодня. Даже ежа несчастного второго и то обнаружить она не могла.

Были комары, и это противно, но комары в конце концов не мыши, у комаров и хвостов никаких нет, и с ними можно было бороться. И она боролась! Как могла, боролась. Но это было не то. И Олимпиада, конечно, страдала и рвалась туда, где были ее октябрюта, где был Вас-Сим, где были все!

Но как рваться в бой, когда сам Главнокомандующий — Лесной царь запретил ей покидать свой пост, а ее, то есть его, Лесного царя, комиссар Вас-Сим категорически не пустил Олимпиаду в свой родной октябрютский отряд, который сейчас там, на переднем крае стоит не на жизнь, а на смерть! Милые, родненькие мои, Кузя и Биба, Соня и Саня, Ваня и Маня, Коля и Оля, клопки мои, октябрюта, как там вы без меня?!!

И Олимпиада, еще не очень понимая, что нарушает все военные уставы, вместе взятые, достала две пачки пиретрума — порошка от клопов, специально привезенных из города (клопов она боялась не меньше, чем всех хвостатых), и стала усиленно осыпать этим порошком подходы к Книжному царству.

При этом она повторяла, про себя повторяла:

— Попробуйте еще раз сунуться сюда! Только попробуйте!

Потом она тем же порошком сыпала подходы к каждой книжной полке.

— Попробуйте еще раз сунуться сюда! Только попробуйте! — опять повторяла она.

Мышей не было, а комары почему-то исчезли.

Когда от запаха порошка Олимпиада сама начала чихать, она окончательно поняла:

«Враг сюда не пройдет! А мое место там, с моими ребятами».

Олимпиада тихо прошла стороной наблюдательный пункт Главнокомандующего и его комиссара, подумала еще раз, какой хороший человек Вас-Сим, но потом прогнала от себя эти мысли и направилась наугад туда, где находились ее милые октябрюта, а точнее, Первый разведывательный отряд во главе с Кузей и Бибой.

«Какие славные ребята, между прочим, эти Кузя и Биба! Они так многому научили меня!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В ружье! Бой. Неожиданное появление Летчика, которое, впрочем, вовсе не удивило Кузю и Бибу. Лесной царь становится Водяным. Победа.

Мыши шли пять, десять, почти пятнадцать минут.

Это были мучительные пятнадцать минут для дяди Софы и врачей, для Кошечкина и председателя колхоза, для всех бойцов их отрядов.

Мыши шли вперед.

— Молодцы! — сказал на наблюдательном пункте Вас-Сим. — Как вы думаете, товарищ Лес-Вод?

— Я думаю, что все правильно, — сказал Лесной царь. — Раз мы дали указание всем отрядам, то они должны их выполнять. Это — элементарно, особенно в такой ситуации военного положения. Что происходит по мысли мыслящих, то будет, а что не происходит, того уж никогда не будет.

— Подождите, подождите, — сказал Вас-Сим. — Это что-то знакомое, но в ином выражении. Кто-то мне говорил, то ли Олишка, то ли Кузя с Бибой, что у вас есть поговорка такая. Я даже запомнил: «Что будет, то будет, а чего не будет, того уж никогда не будет». Это — ваши слова? А сейчас...

— Милейший друг мой, комиссар и начальник Пионерского царства! — Лесной царь почесал свою бороду о домотканые брюки и рубаху. — Век живи, век учись! Я тоже учусь! И пересматриваю свои старые взгляды, поскольку жизнь — это лучший урок. И для меня, человека не молодого, повод для размышлений...

Но пока они говорили о непонятных вещах, объясняющих, почему сегодня можно думать так, а завтра — иначе, мыши продвигались вперед.

Лось — командир Особого лесного отряда, долго вдыхал воздух в ноздри и при этом не забывал успокаивать Лосиху и Лосенка, которые впервые принимали участие в боевой схватке. Наконец, поняв окончательно, что мыши движутся сразу с двух направлений, Лось крикнул:

— В ружье!

— В ружье! — повторили Лесной царь и Вас-Сим.

— В ружье! — сказал Барсук своей жене и детям.

— В ружье! — прошептал заяц Русак и подозвал поближе Русачиху и ребят — двух мальчиков и двух девочек. — Теперь держитесь возле меня.

— В ружье! В ружье! — заголосили и запищали птицы, взрослые и малые, большие и средние, совсем крошечные и чуть меньше, все, кроме кукушки, которая, несмотря на важность происходящего, продолжала куковать где-то далеко позади.

— В ружье!

Эхо отнесло этот призыв во Второй отряд первого отражения и в Третий отряд второго отражения, и там повторилось тем же.

— В ружье! — приказал дядя Софа.

— В ружье! — приказал сторож Кошечкин.

И только до Первого октябрятского разведывательного отряда эта команда не дошла. Потому что там уже шел настоящий бой.

Кузя и Биба вели своих бойцов не вперед, а назад, в сторону лагеря — по хвостам мышинной армии.

Но вот Кузя воскликнул:

— Биба! Где ты?

— Я тут, — подскочил к нему Биба.

— Ты слышишь?

— Что?

— На небо посмотри! Смотри скорей на небо! — кричал Кузя, отбиваясь от нападавших на него врагов.

Биба тоже отбивался, как мог, но в горячке боя ничего не понимал:

— А что там на небе?

— Да самолет! Смотри! Самолет на бреющем полете! Это ж наш знакомый Летчик! Понимаешь?

Над полем боя и верно кружил самолет. Он низко проносился над землей и кустарником, над рекой и прудом, взмывал вверх, разворачивался и вновь пролетал почти над самыми головами сражающихся.

— Ур-ра! — закричал Биба. — Значит, Летчик догадался и...

— И пришел к нам на помощь, — добавил Кузя. — А как же еще! Он же знаешь какой человек, этот Летчик!

Мыши, кажется, растерялись. Многие поворачивали назад...

Наконец все смешалось. Отряд Кузи с отрядом дяди Софы и с отрядом сторожа Кошечкина. Мыши, которые шли на отряд Кузи — с мышами, которые шли на плотину и через мостик дальше, к Книжному царству.

А самолет продолжал с ревом летать над полем боя.

Кузя и Биба узнали даже Летчика, так им показалось, и похвалились перед дядей Софой.

— Отличный у вас друг! — сказал раскрасневшийся дядя Софа.

Дядя Софа подбрасывал в воздух сразу сотни серых противников, лоси, барсуки и даже зайцы гнали их прочь, а сверху, помимо самолета, кружился миллион птиц, наседая на врага с воздуха. Даже сова, на что уж почти незрячая днем, бросалась на мышиную армию.

Шум и крики в ходе сражения были сказочные.

— Кошечкин! — кричал кто-то. — Хватай их! Ты же не Мышкин!

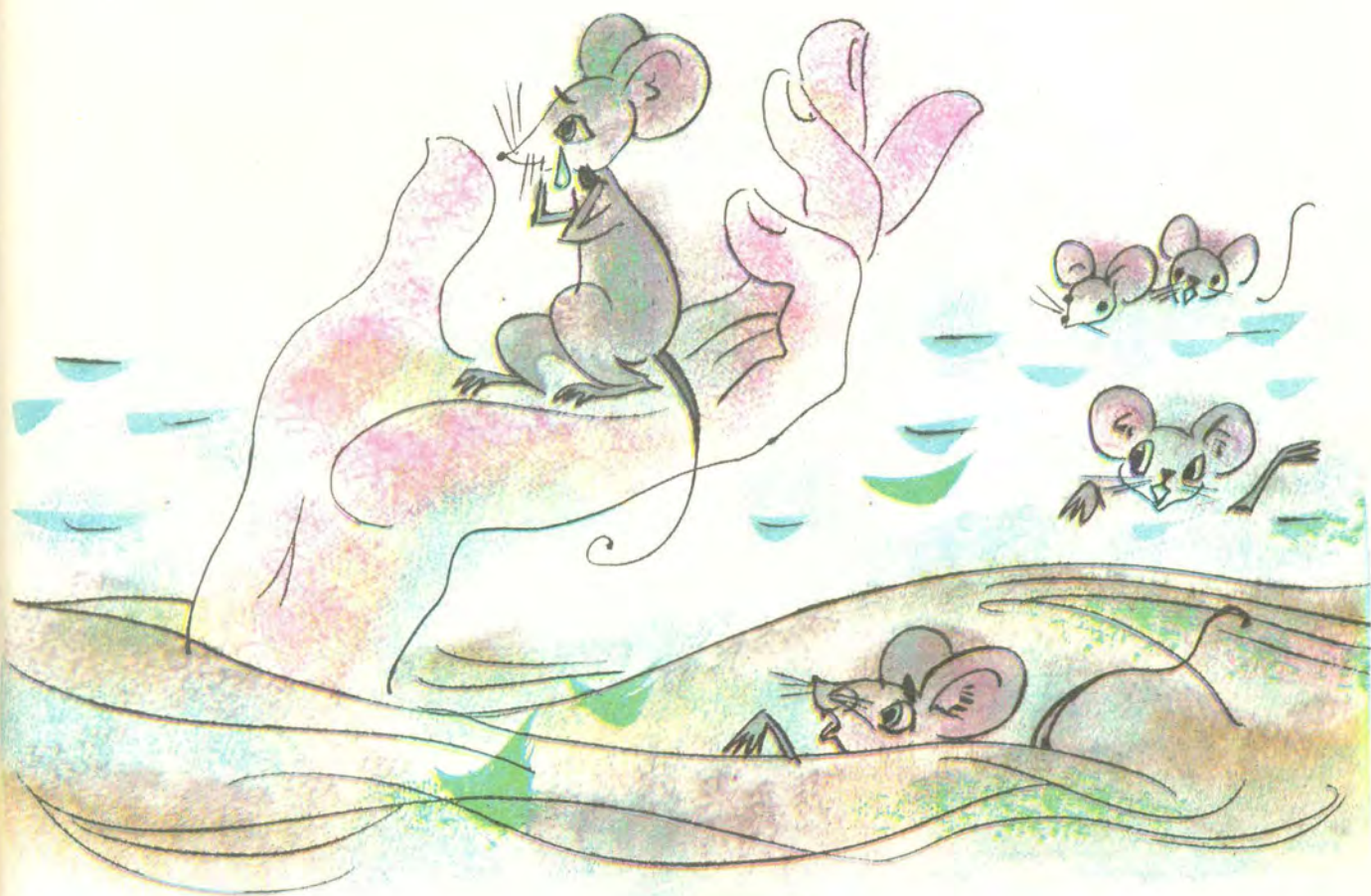
— Биба! Ты видишь, Летчик помахал нам прямо из самолета! Значит, узнал!

— Олимпиаду не пускайте! Не пускайте ее, пожалуйста! Она в обморок упадет!

— В какой обморок? Она с нами была, с разведчиками. На ее счету...

— Не давать им отступать к реке! Приказываю: не давать!
— Дедушка, это вы? Ох, здорово!
— Олишка! Милая! А ты — умница! Не боишься уже? Не сердись на меня!
— Ну, вы, ребята, полководцы!
— А Летчик этот их знакомый — Кузин и Бибин!
— Мне терять нечего. Кому пирожки печь, тому и отвечать!
— Опять к реке они рвутся. А ну, гони их назад!
— Товарищ Главнокомандующий! А может, вам это?.. В реку нырнуть?
— Как это?
— Да, ведь они, Лес-Вод, отступать собираются.
— Ох, простите старика, товарищ комиссар! Совсем забыл, что я еще и Водяной. Бегу, бегу...

А Кузя, бросив Бибу с частью отряда на прежние позиции — в окопы, чтобы не дать отступать разбитой мышьиной армии через этот участок, искал Лесного царя.

У Кузи действительно родился в ходе боя отличный план. Генеральный план, если говорить скромно. Мышиная армия почти разгромлена. Это — ясно! Но остатки не пытаются отступить. Через их окопы они не отступят. Через дядю Софу и плотину — не отступят. Куда им деваться? Только через реку вплавь могут они удрать в свои Старые амбары. Надо срочно просить Лесного царя вспомнить обязанности Водяного и не дать им...

Кузя, конечно, не знал, что план его совпал с планом Вас-Сима.

И когда он, Кузя, не найдя нигде Лесного царя, подбежал, размахивая трещоткой, к реке, то увидел такую картину.

В реке лежал на спинке Лесной, точнее, Водяной царь, их де-душка, их Главнокомандующий, и борода его, огромная борода плыла по течению речки. А мыши, жалкие, одинокие мыши бросившись в воду, попадали в его бороду, запутывались в ней, пищали и визжали.

Но Лесной, то есть Водяной царь оставался благородным.

— А зачем пришли? — спрашивал он каждую мышь в отдельности и всех немногих вместе. — Что вам нужно тут? Книжное царство решили уничтожить, да? А потом Книжное море, да?? Не получится, милые! Знаете ли, что умнее и мудрее нет на свете вещей, чем книги! Отпущу я вас, но с одним условием. Вернетесь на свои Старые амбары за Большой горой, расскажите всем, кому нужно, что бесполезно это — бороться с Книжными царствами и Книжными морями!

Самолет промчался на бреющем полете над самой рекой, и Кузя опять заметил в кабине Летчика.

Летчик махал рукой и как бы говорил:

— Победа!

И вокруг уже гремело и звенело:

— Победа! Победа! Победа!

Жители Пионерского царства — они же победители, кричали:

— Победа!

Лесные жители — они же победители, кричали:

— Победа!

А Лесной царь, он же Водяной, он же Главнокомандующий, все еще разговаривал с немногими спасшимися через его бороду врагами:

— Кто с недобрым к нам приходит, то по-доброму не уходит.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

и последняя, поскольку в ней повествуется о торжествах в честь победы.

В полдень в Пионерском царстве состоялась торжественная линейка. Поздравляли победителей, а взрослых победителей торжественно принимали в почетные пионеры. Так, пионерами стали Лесной царь, он же — Водяной, комиссар Третьего отряда второго отражения — председатель подшефного колхоза, который уже не сердился, что его территорию загрязняют, сторож Кошечкин, врач-докторша — комиссар. Летчик, специально приглашенный на торжество из отряда сельскохозяйственной авиации, и, самое главное, командир Особого лесного отряда — Лось. Учитывая размер его шеи, галстук ему был повязан особый — огромный кусок кумача с подрезанными краями.

Вечером в честь победителей начальник лагеря Вас-Сим устроил торжественный прием. Как ни отбивался дядя Софа, но ему пришлось изготовить для этого приема пирожки с мясом (их очень любит Вас-Сим), с капустой (их очень любит Олимпиада) и даже с грибами, поскольку пирожки с грибами очень любит комиссар его Второго отряда первого отражения — врачаха, и отказать ей дядя Софа никак не мог.

Лесному царю был специально доставлен любимый кефир.

— Я настолько растроган, — сказал Лесной царь, поднимая стакан кефира, — что не знаю, что сказать. Я обещаю всю жизнь учиться у таких взрослых людей, как вы, товарищ Олимпиада, которая вместе с моим Русаком обнаружили опасность, я буду учиться у таких пионеров, как они, которые выступили против нее, и у таких октябрат, как хитрые, смелые и славные полководцы Кузя и Биба, благодаря которым мы победили зло! Так выпьем за их завтрашний день!

— Обязательно выпьем! — сказала Олимпиада и подняла бокал с компотом.

— Очаровательно! — подтвердил Лесной царь. — Вы — очаровательны, как моя царица. Она страсть как любила компот и лимонад. А еще...

Лесной царь решил дальше не распространяться.

Вас-Сим выручил Лесного царя, обратившись к дяде Софе:

— А пирожки у вас сегодня, Софрон Огурлиевич, отличные!

Дядя Софа подскочил от радости. То ли из-за пирожков, то ли потому, что Вас-Сим впервые правильно назвал его отчество.

— Кому пирожки печь, тому и отвечать! — сказал он с гордостью.

А Кузя и Биба уже спали в это время. Спали, как и все юные обитатели Пионерского царства.

Кузя спал крепко, но по обыкновению что-то бормотал во сне. Биба спал тоже крепко, но чутко и слышал все, что бормочет Кузя.

— Биба! — вдруг вскрикнул во сне Кузя и сел в постели.

— Что, Кузя? — Биба тоже приподнялся на подушке.

— А дедушка добрый, правда? — спросил Кузя.

— Какой еще добрый! — согласился Биба.

— Они, понимаешь ли, через речку назад бегут, а он им все объясняет, растолковывает. Я сам слышал!

— На то он и Лесной царь, — согласился Биба.

Кажется, Кузя и Биба уснули.

Наутро все местные газеты сообщили о победе добра над злом и о том, что мышиное наступление против Книжного царства и Книжного моря обернулось поражением для захватчиков. Среди героев — победителей были отмечены все пофамильно. В заключение говорилось о торжественном ужине в честь победителей, который прошел в сердечной и дружественной обстановке.

Газет Кузя и Биба не читали, потому что это были взрослые газеты. Но разве это важно?

И у Кузи, и у Бибы еще так много впереди! И трудного, и хорошего, и новых больших и малых побед, как та, что сегодня называется уже вчерашней.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Лесной царь и его сын Царевич — 3
ГЛАВА ВТОРАЯ. Кузя и Биба. Знакомство с ними. Кто такая Олимпиада — 8
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Что думает зайчишка-всезнайка по имени Русак о приезде пионеров — 12.
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Радости и огорчения Кузи и Бибы. Гроза — 18
ГЛАВА ПЯТАЯ. Кто такой Вас-Сим и почему он звал Олимпиаду Олишкой — 22
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Кузя и Биба идут в лес — 26
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Лесной царь знакомится с Кузей и Бибой — 29
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Кузя и Биба убеждаются, что борода — это не самая лучшая вещь на свете — 36
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Тишина в Пионерском царстве. Дядя Софа — 43
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Разговор Вас-Сима с Олимпиадой. Подготовка к новой военной игре — 50
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Кое-что о хвостах и хвостатых. Надо или не надо их бояться? — 54
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Немного о лесной жизни. Что там и как сейчас — 60
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Что беспокоило Олимпиаду, Кузю и Бибу. Неожиданная телеграмма — 64
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Поиски Лесного царя. Русак-проводник. Биба завидует Кузе — 69
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. Важные решения Лесного царя. Не менее важное сообщение Русака — 76
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Подготовка к решающему сражению. Все готовы в бой — 82
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. Первый разведывательный октябрятский отряд — 86
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. Кузя, Биба, их отряд и комары, которые всем мешают — 91
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. Мостик через плотину. Чего не поняли дядя Софа и Кошечкин — 95
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. Хитрый план, родившийся сразу у всех. Олимпиада нарушает воинский устав — 97
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. В ружье! Бой — 102
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ и последняя, поскольку в ней повествуется о торжествах в честь победы — 109

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Сергей Алексеевич Баруздин

СКАЗКА О ЛЕСНОМ ЦАРЕ И ПИОНЕРСКОМ ЦАРСТВЕ

Сд. в набор 23/III-71 г. Подп. к печ. 8/II-72 г. Формат бум. 84×108¹/₁₆. Физ. печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,76. Уч.-изд. л. 9,1. Изд. инд. ЛД-283. Тираж 150 000 экз. Цена 82 коп. в переплете. Бумага № 1. 7-6-2. 296-71. Издательство «Советская Россия». Москва, пр. Сапунова, 13/15. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Заказ № 80.

82 коп.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ